

А. Башмаковъ.

БАЛТІЙСКІЙ ВОПРОСЪ

съ точки зрѣнія

ПРАКТИЧЕСКИХЪ ЗАДАЧЪ

ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ.

Ревель.

Печатано въ типографіи «Рев. Извѣстій».

1893.

Оттискъ изъ «Ревельскихъ Извѣстій».

I.

Вѣроятно вы сами, благосклонный читатель, пережили то же самое, что и я въ отношеніи сознанія окраинныхъ вопросовъ и, въ особенности, балтійскаго. Нынѣшнее наше просвѣщеніе не помогаетъ намъ ближе стать къ пониманію этого вопроса. Это дѣло вовсе не частное, зависящее отъ того, кто изъ насъ болѣе, кто менѣе образованъ, ближе или дальше отстоитъ отъ храма божественной Клію, а есть явленіе неизбѣжное, какъ осанка, прическа, костюмъ и умѣнье такъ или иначе сидѣть за столомъ, кланяться, вращаться чаруя или отталкивая, съ вѣчною на челѣ печатью взлелѣявшей среды; это вещь, приставшая къ нашему бессознательному «я» какъ нервозность сына вѣка, тембръ голоса и блескъ невольный или тусклый взоръ въ очахъ.

По этой причинѣ оно и стоитъ того, чтобы служить предметомъ обсужденія въ печати, какъ предметъ общій, а не частный, связанный невидимою нитью закономѣрности явленій съ общимъ складомъ русскаго самосознанія, а вовсе не случайное, субъективное явленіе. Каково наше отношеніе къ балтійскому вопросу, наша степень его разумѣнія, таковы мы есть передъ грядущими поколѣніями, въ нашемъ обликѣ политическихъ дѣятелей конца XIX вѣка. Такъ вотъ-съ этотъ обликъ прежде всего напоминаетъ кривое зеркало, въ которомъ какъ будто — тамъ и сямъ уцѣлѣли частицы среди общей кривоты; въ этихъ разсѣянныхъ тамъ и сямъ частицахъ — отражается стройная фигура, окаймленная очертаніями той красоты, которой, дай Богъ, суждено сдѣлаться со временемъ національнымъ обликомъ. Цѣльности нѣтъ нигдѣ. И даже то, что есть, добыто какъ-то случайно и ненормально.

Наша обыкновенная неподготовленность къ общему и ясному сознанію балтійскаго вопроса есть только часть нашей общей политической невоспитанности. Сыны великаго государства, пріобрѣтающаго все болѣе рѣшающее положеніе среди другихъ народовъ, въ эпоху безповоротно опредѣ-

лившуюся всюду, какъ время повышеннаго значенія государственнаго начала въ развитіи націй, — мы все остаемся поколѣніемъ, лишеннымъ всякаго политическаго воспитанія. Нельзя сказать, чтобы отъ времени до времени не раздавалось также среди насъ поучительнаго голоса; но все это какъ-то разрозненно и цѣлаго, воспитательнаго цѣлаго не составляетъ. Кто изъ насъ не помнитъ рѣчи Ивана Сергѣевича Аксакова во время Берлинскаго конгресса? У кого не шевелится въ душѣ что-то въ родѣ давно залегшихъ чудныхъ звуковъ, не угасшихъ за много лѣтъ при воспоминаніи юношескихъ впечатлѣній, со времени Герцеговинскаго возстанія до Шипкинскихъ дней? Кто не встрепенулся сердцемъ, при видѣ американскаго воодушевленія въ годовщину голода, или французско-русскихъ симпатій во дни Кронштадтскихъ манифестацій? Не встала-ли передъ нами таже волна поучительной силы безконечной — въ картинѣ нашихъ борцовъ на поляхъ неурожая и холеры, или въ духовной накипи, валомъ колышущейся всюду, куда не ступить о. Іоаннъ Кронштадтскій? Но это все отдѣльные уроки, изъ которыхъ что-то выдѣляется, какъ благоуханье, чарующее, манящее. Раскинутые на 15

лѣтъ, они не связаны въ одно воспитывающее цѣлое. Нѣтъ того единящаго ученія, которое провикло-бы въ мозгъ и кости поколѣнія, алчущаго свѣта и руководства; и выходимъ мы въ жизнь и на торную дорогу отечественнаго служенія разстроенные, но не настроенные.

О существованіи разныхъ вопросовъ и задачъ нашей національной жизни узнаемъ мы изъ практики, по наслышкѣ, ошущью, да клешней. Такъ и въ одномъ изъ существенныхъ, унаслѣдованныхъ истари вопросовъ, вокругъ котораго вертится, какъ вокругъ оси — вся русская исторія со времени открытія петербургскаго ея періода, — въ балтійскомъ вопросѣ.

Дайте срокъ, постараемся обстоятельнѣе обосновать это широкое значеніе балтійскаго вопроса. Пока, будетъ съ насъ одного; посмотримъ: какъ представляется онъ современному россійскому обывателю.

Пріѣхалъ на каникулы восвояси, въ одну изъ среднеполосныхъ губерній, одинъ изъ дѣятелей Прибалтійска о края. Заѣхалъ вглушь поразмять на благодатномъ солнцѣ русской нивы продрогшіе члены отъ здѣшней стужи и сырости. Привезъ съ собою брошюры, ворохъ воспоминаній, наблюденій и два шевелящихъ, беспокойныхъ сло-

вечка: «Самаринъ» и «балтизмъ». Приѣздъ моего знакомаго въ тихую усадьбу, гдѣ то и дѣло слышно было о пшеницѣ, о молотилкахъ, да о земскихъ начальникахъ — произвелъ впечатлѣніе чего-то въ родѣ «экразита» или «пироксилина». Его слушалъ образованный, начитанный пріятель-помѣщикъ, да наконецъ и брякнулъ: «А какой-же тамъ у васъ балтійскій вопросъ? Да развѣ такой существуетъ? Знаемъ мы одно, что Петръ взялъ Ригу, разбивъ шведовъ подъ Полтавой; а тамъ Екатерина скроила Курляндскую губернію. Съ тѣхъ поръ жили мы мирно и безмятежно съ нашими остзейскими нѣмцами. Какой-же тамъ еще можетъ быть вопросъ, «который бы не подходилъ подъ понятіе «губернскаго» или «уѣзднаго» вопроса, въ крайнемъ случаѣ въ родѣ днѣстровскаго водопровода, проказъ знамени-той Кузьки профессора Линдемана или ужъ въ крайнемъ случаѣ поползновеній Чухломы къ самоуправленію! А что касается самихъ остзейцевъ, любить ихъ или не любить вѣдь дѣло вкуса. Такъ позвольте-же ихъ намъ любить. Спросите за что? — А за вѣковую вѣрность, за услуги, оказанныя намъ на всѣхъ поприщахъ государственной дѣятельности и

развитія; за то, что въ нихъ больше того нѣчто, чего нѣтъ въ русскомъ человѣкѣ, чего ради мы ѣдемъ за границу, шатаемся на водахъ но «гастхаузамъ», упиваемся вагнеровской музыкой, наслаждаемся видомъ Каульбаховскихъ фресокъ, переполняемъ русскіе заводы нѣмецкими мастерами и учимъ дѣтей, посредствомъ боннъ, повторять съ самаго ранняго дѣтства звуки нѣмецкаго языка. Пускай себѣ живутъ и множатся у насъ, колонизуютъ Волгу, Вольту, Екатеринославскія равнины,нося въ себѣ тѣ цѣпки заросли германизма, которыя посредствомъ школы, церкви, лучшей обработки земли и умѣнья жить замкнуто — оберегли ихъ долѣше столѣтія отъ утраты своего рѣзкаго типа. Они и у насъ, отдѣльными поселками зажили честно и внесли новую жизнь; тѣмъ болѣе не трогайте ихъ тамъ, гдѣ мы сами народъ пришлый, въ той остзейской окраинѣ, гдѣ раньше васъ счастливо и безопасно понѣмецки жилось; была своя культура, которой вамъ не превзойти. А ужъ тихую идиллію смущать не подобаетъ: «*Quieta non movere*». Если вы заупрямитесь, полѣзете въ позымя, такъ на себя-жь и пеняйте, коли встрѣтятъ не любовью и бросятъ вамъ заслуженный упрекъ: «чужимъ здоровьемъ бо-

лѣте»: Вы, господа, сами создаете балтійскій вопросъ: его нѣтъ на свѣтѣ»... Таковъ преобладающій взглядъ среди тѣхъ россіянъ, которые, вообще говоря, способны задаваться такъ называемыми вопросами. Для краткости назовемъ это мнѣніе — прозвѣщеннымъ.

Наряду съ свѣтовыми явленіями выдѣляются всегда и всюду тѣни. Такъ было во времена Ормузда и Аримана. Такъ есть и во время «Новостей» и «Гражданина». Благодаря этому неизбѣжному и фатальному разнообразію выработались и другіе взгляды на тотъ-же балтійскій вопросъ. При этомъ даже довольно трудно сразу уловить въ общественномъ мнѣніи тѣ побужденія и теченія, которыя несогласованы между собою, хотя имѣютъ нѣчто общее, именно — отрицаніе «просвѣщеннаго» взгляда. Разнообразіе въ побужденіяхъ этой группы людей сводится къ различію въ исходныхъ точкахъ силлогизма. Нѣкоторые разсуждаютъ такъ: хотя вообще прижимать не слѣдуетъ, тѣмъ не менѣе въ балтійскомъ вопросѣ не мѣшаетъ. Другіе же разсуждаютъ менѣе замысловато, полагая, что такъ какъ вообще въ бараній рогъ согнуть не мѣшаетъ, то и въ балтійскомъ вопросѣ оно отнюдь не вредно. Въ

результатъ и на практикѣ тѣ и другіе сходятся, скрещиваются и лобызаются. Для глаза средне-калибернаго обывателя они смѣшиваются воедино. Проклятiя изъ лагеря «просѣщенныхъ» неизбежно и нераздѣльно сыплются на тѣхъ и другихъ. Но для историка, психолога, публициста, или бытописателя, словомъ для тѣхъ, кому приходится подводить итоги — это явленіе **не** безразличное и пониманіе побужденій и мотивовъ тѣхъ и другихъ должно стоять на первомъ планѣ.

Не мудрено, что такая путаница понятій охватываетъ дѣятелей, насылаемыхъ сюда для насажденiя преобразованiй, съ самаго момента ихъ отъѣзда изъ родной Чухломы, когда собравшіеся на вокзалъ знакомые, привѣтствуя отъѣзжающаго преобразователя, въ ожиданiи третьяго звонка — досылаютъ, каждый посвоему, прощальныя напутствiя: «Вы нѣмцевъ-то пощадите!» — кричитъ одинъ. «Небось сами онѣмечитесь!» предостерегалъ другой. «Счастливецъ! попадете въ скрижали отечественной исторiи» — задумчиво вздыхаетъ третiй. Наконецъ, раздается сигналъ, поѣздъ мчится въ туманѣ, унося къ непривѣтливымъ побережьямъ строптивой Балтики сердце полное противорѣчiй и сомнѣнiй.

Путникъ засыпаетъ, и снится ему бѣлая страница, испещренная вопросительными знаками, на которой въ каждой строкѣ начата и прервана много разъ затянута пѣсня, каждый разъ обрывающаяся посреди недописаннаго куплета. И долго будетъ онъ еще сердцемъ мучиться надъ неразгаданной задачей, слѣдуетъ ли допѣть куплетъ или нѣтъ. Неразгаданность продлится до тѣхъ поръ, пока онъ не откинетъ отъ себя доморощенныхъ наущеній, которыя не въ состоянїи помочь, и пока онъ не станетъ одинъ на одинъ съ окружающей дѣйствительностью и не будетъ сызнава строить всю программу своихъ убѣжденій изъ личнаго наблюденія. Пускай онъ при этомъ назадъ не оглядывается, не провѣряетъ своего пугливаго самосознанія вопросомъ: «а что-же тамъ про меня подумаютъ». Отъ сложившагося, ходячаго общественнаго мнѣнїя, «просвѣщеннаго» и «не просвѣщеннаго» ему ждатель нечего. Оно таково, что ему не поможетъ разобраться въ его сомнѣнїяхъ и противорѣчїяхъ.

Однако, спросятъ насъ, въ чемъ-же состоитъ балтійскій вопросъ? Вѣдь, какъ бы ни затемнялись его основанія и значеніе, не можетъ быть, чтобы не было такой краткой формулы, выражающей въ сгу-

ценномъ видѣ все то, что мы знаемъ и должны знать объ этомъ вопросѣ. Разрозненные свѣтовые лучи собираются-же посредствомъ стекла въ одинъ фокусъ; задача исторической публицистики должна состоять въ нахожденіи такого стекла и такого фокуса, могущихъ сразу озарить яркимъ свѣтомъ всю темь предстоящаго изслѣдованія. Если всю сложность восточнаго вопроса можно разомъ упростить, опредѣливъ его «вѣковымъ шествованіемъ русскаго человѣка за солнцемъ и моремъ», то почему не попытаться подыскать такое же краткое опредѣленіе и для Балтійскаго вопроса?

Одно несомнѣнно, что если въ немъ тоже выражается «вѣковое шествованіе», то ужъ во всякомъ случаѣ не «за солнцемъ». Это очевидно и безъ исторической справки для всѣхъ дѣятелей, здѣсь прожившихъ. Но мы полагаемъ, что отстаиванье именно «морскихъ береговъ» также не составляло сути въ балтійскомъ вопросѣ; какъ бы оно ни было важно въ нашей исторіи послѣднихъ трехъ вѣковъ, оно является лишь одной стороной вопроса.

Давно мы владѣемъ на Балтійскомъ морѣ береговой полосой, по всей вѣроятности, того именно размѣра, какимъ суж-

дено владѣть и нашимъ правнукамъ. За сто лѣтъ установившейся морской границы ни разу она не сокращалась, подобно тому, какъ это происходило съ нашимъ бессарабскимъ Буджакомъ въ 1856 году. И не смотря на это благополучіе со стороны чисто навигаціонныхъ интересовъ, балтійскій вопросъ продолжаетъ существовать. Стало бытъ дѣло не въ одномъ отстаиваніи морской черты.

Для уясненія предѣловъ занимающаго насъ вопроса, мы добавимъ, что вся совокупность интересовъ и событій, касающихся приобрѣтенія и удержанія морской границы отъ устьевъ Невы до Торнео — сочтена нами внѣ балтійскаго вопроса, не смотря на то, что въ нихъ тоже выражается борьба русскихъ за обладаніе балтійскими берегами. Насъ могутъ упрекнуть въ произвольномъ суженіи термина, исходя, изъ отвлеченнаго соображенія, что все, касающееся Балтійскаго моря есть нѣчто «балтійское». Но это именно отвлеченный, а не «практическій» выводъ. Мы утверждаемъ, что въ употребленіи литературнаго языка, въ канцелярской терминологіи и въ журналистикѣ давно укрѣпились за словами: «балтійская окраина», «прибалтійскій край», «балты», «балтійскія притязанія и

вліянiя» — понятiе болѣе узкое, соотвѣтствующее идеѣ «Ostsee». Въ этомъ послѣднемъ словѣ, какъ нельзя лучше, выражается суть балтійскаго вопроса.

Долгое время, полоса земли отъ Наровы до прусской границы была для насъ «остзейскимъ» краемъ и даже взглядъ на карту нашего отечества не былъ въ состоянiи убѣдить насъ, что это для насъ «вестзейскій», а не «остзейскій» край. Для такого убѣжденiя не было достаточно одной справки. Потребовалась долгая переработка нашихъ понятiй, чтобы мы перестали смотрѣть на дѣло съ запада на востокъ, но пріучились обращать взоры на тотъ-же предметъ съ востокъ на западъ. И тогда только, въ дивной простотѣ открылась та истина, что этотъ ломоть земли есть клинъ, вбитый и глубоко врѣзавшійся въ нашъ государственный организмъ и, притомъ, клинъ направленный къ самому сердцу страны, т. е. къ Петербургу. Присутствiе посторонняго тѣла въ нашей плоти ощущается гораздо дальше, нежели въ очертанiяхъ этого клина. Весь нашъ общественный строй проникнутъ сотрясенiемъ, исходящимъ изъ него. Мѣткимъ, солдатскимъ словомъ

Скобелевъ охарактеризовалъ это явленіе, когда сказалъ въ своей парижской рѣчи: «у себя дома—мы не дома!» Откуда взялось это явленіе?

Мы наглядно поймемъ его, если раскроемъ историческій атласъ. Какой хотите, Spruner'a или Droysen'a. Вотъ карта средней Европы въ 1000 году нашего лѣтосчисленія. Гдѣ граница германскаго племени? — на Эльбѣ. Вся земля между Лабой (Эльбой) и Одеромъ именуется «Sclavonia». За нею тѣснятся урочища «Romogania», «Polonia» «Bohemia». Затѣмъ начинается сознательный «Drang nach Osten», не только сознательный, но и необходимый для расы, носящей въ себѣ задатки могущества и величія. Германцу тѣсно; онъ ищетъ новыхъ земель. Нѣтъ ему основанія остановиться, пока мечъ не притупится, пока поле передъ нимъ, пока стоятъ поперекъ пути одни языческія капища и шаткіе родовые союзы неоперившихся племенъ.

Но вотъ, словно камень выросъ изъ русла рѣки. Взгляните на карту временъ Реформаціи. Плотно въ ней обрисовывается неразъѣдаемый славянскій кряжъ въ Богеміи и Польшѣ. Тоненькимъ теченіемъ тѣснится между ними германская Силезія,

да влѣво потекла склонясь вдоль береговыхъ извилинъ, та-же германская струя до самаго Финскаго залива. То было нежизнеспособное орденское государство, роковой изъянъ котораго былъ въ тонкомъ перешейкѣ (Мемель-Полангенъ), соединявшемъ его части и въ невозможности одолѣть Жмудскую землю *). Эта невозможность знаменуетъ въ исторіи предѣлъ растяжимости германской расы.

Подобно матеріальнымъ тѣламъ, всѣ колонизирующія народности имѣютъ свою мѣру крайней растяжимости и упругости, переростаніе которой неизбежно влечетъ обратное сокращеніе. Завоеванія Александра Македонскаго и распространеніе эллинизма оборвались на порогѣ Индіи. Римскіе легионы не могли держаться продолжительно ни въ плоскогоріяхъ Арменіи, ни въ низовьяхъ Месопотаміи. Русскіе пионеры, колонизуя Аляску и дохотя еще въ прошломъ вѣкѣ до Калифорніи, были очевидно внѣ предѣловъ жизнеспособности русскаго государства.

Такимъ образомъ, встрѣча русской на-

---

*) Жмудская земля (нынѣшная Ковенская губернія) принадлежала Ордену только 24 года, (съ 1398 по 1422 г.).

родности съ нѣмецкой въ Прибалтійскомъ краѣ происходитъ уже за предѣлами упругости германской расы. Таковъ первый элементъ балтійскаго вопроса.

Дальше, вопросъ осложняется — вслѣдствіе присутствія въ краѣ того коренного населенія, которое XIX вѣкъ застаётъ передъ роковой альтернативой: или онѣмечиться или обрусѣть.

Есть въ исторіи племена, къ которымъ судьба была злою мачихой. Они пошли ко дну, какъ камень въ водѣ. Нельзя сказать, чтобы они погибли, ибо ихъ существованіе продолжается иной разъ вѣками, иной разъ навсегда. Но это существованіе есть именно пребываніе на днѣ рѣки. Если есть въ нихъ талантливость, творческая сила, глубина, эти дарованія выходятъ въ свѣтъ подъ чужими ярлыками и илутъ въ прокъ другой народности. Не успѣвъ создать свое государство, эти племена, перекрещенныя, переименованныя, помогаютъ болѣе счастливой расѣ, взявшей верхъ надъ ними, строить и укрѣплять ея государственный строй. Такова была судьба Кельтовъ, не погибшихъ въ особенностяхъ своей расы, ни въ современныхъ Французахъ ни въ Шотландцахъ и Ирландцахъ, хотя политическо-общественная сила первыхъ выра-

жаются нынѣ въ романизаціи, а послѣднихъ въ усиленіи на всѣхъ моряхъ — англійской стихіи.

Духовное творчество этихъ племенъ, покуда они цѣпляются со вздохами сожалѣнія за уцѣлѣвшіе остатки безвозвратно минувшей сѣдой старины, — замыкается въ заколдованномъ кругѣ меланхолическаго народнаго эпоса и археологическихъ вдохновеній. И счастливы хоть тѣ изъ этихъ погорѣльцевъ исторіи, съ которыми жизнь не сыграла еще болѣе злой шутки, не только вычеркнувъ ихъ изъ списка гласныхъ участковъ міроваго развитія, но еще обездоливъ ихъ въ гражданскомъ отношеніи, лишивъ земли, благосостоянія и равныхъ матеріальныхъ благъ съ завоевателями, какъ это случилось въ Ирландіи и въ земляхъ Ливонскаго Ордена.

Стиснутая между славянами и нѣмцами младшая вѣтвь европейскаго племени, литовско-латышская нація — та-же для насъ Ирландія. Было время, когда чаши вѣсовъ колебались между ними и нами; могло казаться въ XIV вѣкѣ, что не Ильмени и не Волгѣ, а Нѣману суждено командовать надъ «славянскимъ материкомъ». Но уже тогда проскальзывали слѣды культурнаго недороста; русскій языкъ проникалъ ко двору

литовскому и въ официальные акты литовскаго государства. Затѣмъ очередь наступила польскому вліянію благодаря политической уніи съ Рѣчью Посполитою. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ускореннымъ темпомъ стала сходить со сцены литовская сила, сливаясь и растворяясь въ славянскомъ, польскомъ государствѣ, и когда пробилъ часъ русскаго владычества, отъ могучаго когда-то народа остался только племенной обликъ, драгоцѣнный лишь для филолога, но лишенный всякаго историческаго вѣса.

Судьба старшаго брата не могла не имѣть вліянія на младшаго; если бы литовское государство сохранило хоть нѣсколько столѣтій ту мочь, которую оно проявило въ битвахъ подъ Дурбенемъ (1260 г.) и подъ Танненбергомъ (1410 г.), разбивая силы ордена, родственные литовцамъ латыши не подпали-бы такому безусловному порабощенію, какъ въ слѣдующіе вѣка.

Какъ-бы то ни было, но несомнѣнно то, что ко времени Готгарда Кетлера, когда обезсиленное ливонское государство сливается въ первый разъ съ «славянскимъ материкомъ» (1561 г.), роль литовско-латышской націи была уже безповоротно сыграна. Въ ней лежалъ только факторъ могущества или дряблости грядущаго об-

щественнаго строя, смотря потому, какъ повелители сумѣють обращаться съ этой пассивной и молчаливой народной силой.

Латышамъ и Эстамъ было дано шесть сотъ лѣтъ, чтобы онѣмечиться, болѣе двухъ-сотъ первымъ изъ нихъ, чтобы ополячиться. Ничего изъ этого не вышло. Причину слѣдуетъ искать не въ одной племенной упорности Эстовъ и Латышей, а въ томъ, что такая государственная задача никогда не ставилась категорически ни въ орденскомъ государствѣ, ни Рѣчи Посполитой. Къ тому же угодобленіе покоренныхъ ихъ повелителямъ не считалось выгоднымъ и желательнымъ — ни для первыхъ, ни для вторыхъ. Нынѣ на рубежѣ XX столѣтія, при громадномъ подъемѣ идеи всеобъемлющей государственности, сліяніе инородческихъ мелкихъ ручьевъ съ обширнымъ русскимъ моремъ требуется выгодами той и другой стороны.

Вотъ эту задачу претворенія туземцевъ въ государственномъ организмѣ цѣлаго — къ ихъ собственной выгодѣ, есть именно тотъ камень преткновенія, передъ коимъ спасовали и «рыцари» и «папы». Эту задачу поняли, но не успѣли провести «великіе шведы» XVII вѣка. Она же, эта жгучая задача, напомнила о себѣ и рус-

скому государству. Въ ней содержится второй элементъ балтійскаго вопроса.

Сводя вышензложенное къ одному знаменателю, мы скажемъ, что въ нашихъ глазахъ балтійскій вопросъ есть практическая задача русской государственности, требующая, въ существѣ своемъ, двухъ проявленій народнаго духа: сознанія и дѣйствія. Сознаніе пусть исходитъ изъ нѣдръ русской жизни, а не изъ глубины германскаго самосознанія; пусть направляется оно съ востока на западъ, а не наоборотъ. Дѣйствіе, руководимое этимъ сознаніемъ, должно быть безповоротно, какъ стихія; оно должно сообразоваться съ коренными свойствами балтійскаго вопроса: беспочвенностью германизма и необходимостью экономическаго подъема коренныхъ инородцевъ, цѣною ихъ окончательнаго обрусенія.

II.

Въ предыдущихъ наброскахъ мы дали опредѣленіе того, чѣмъ представляется, въ нашихъ глазахъ, балтійскій вопросъ. Мы установили, что это практическая задача русской государственности. Какая это за-

дача, мы теперь повторять не будемъ. Посмотримъ на это дѣло съ другой стороны, спросивши себя: вправѣ-ли мы преслѣдовать эту цѣль и разрѣшать эту задачу; если-же мы имѣемъ на то право, то чѣмъ обусловлено это право?

Понятія о томъ, что мы вправѣ дѣлать и что слѣдуетъ называть правомъ, до того спутались въ настоящее время, что мы должны и здѣсь оговориться. Иначе самый вопросъ останется туманнымъ. Если бы настоящія строки предназначались не для читателей 1893 года, а для того поколѣнія людей, которое привыкло обращаться съ понятіями естественнаго и божественнаго права какъ съ величинами реальными и вполне обыденными, то дальнѣйшихъ разсужденій здѣсь не требовалось бы. Поставленный вопросъ сводился бы коротко и ясно къ тому, написано ли въ скрижаляхъ природы человѣческой, или въ божескихъ велѣніяхъ, что разрѣшеніе балтійскаго вопроса относится къ прямымъ задачамъ русскаго человѣка: да или нѣтъ. Отъ ясно поставленнаго вопроса зависѣла бы конечно и легкость соотвѣтствующаго разрѣшенія.

Но рѣчь идетъ не о правѣ естествен-

номъ и не о правѣ божественномъ. На этихъ конькахъ, въ дѣлахъ современной критики, далеко не угодишь. Но зато, съ первыхъ же шаговъ, наткнешься на вопросъ: въ правѣ ли мы преслѣдовать данную задачу, какъ достойную и соответствующую идеаламъ политической дѣятельности?

Опять туманъ. Что такое эти идеалы? Кто призванъ къ тому, чтобы присуждать лавры достоинства? Кто же намъ свищетъ или рукоплещетъ? Гдѣ это мѣрило? спросить, съ болѣзненнымъ сжатіемъ сердца, тотъ искренній русскій современникъ, который не на шутку возьмется за перестроеніе своего міросозерцанія и за логическую провѣрку своего гражданскаго катихизиса. Въ начальственныхъ вѣлѣніяхъ? А если они перескакиваютъ «румбъ» и дуютъ отъ «Зюйда», а потомъ отъ «Веста», безъ осязаемой метеорологической закономерности; тогда вольно, подчиняясь, поколику рѣчь идетъ о дѣйствиіи, снова поставить себѣ вопросъ: изъ чего же составить свой катихизисъ? Изъ толчковъ ли «общественнаго мнѣнія»? Да гдѣ же оно, мы его не видимъ. А тамъ, гдѣ оно даетъ себя чувствовать, оно обнаруживаетъ такую несуразность началъ, что едва ли въ немъ то,

въ русскомъ общественномъ мнѣніи 1893 г., содержатся пригодныя указанія для руководства нашихъ практическихъ задачъ. Безъ сомнѣнія, тамъ и сямъ, рѣютъ по воздуху цѣнныя мысли, Богъ вѣсть, кѣмъ пущенныя и невѣсть куда летящія. Но то-ли можно считать руководствомъ?

Если судьбою пригодности того, что творить практической дѣятель, считать наше общественное мнѣніе, то нельзя не согласиться съ тѣмъ, что этотъ судья поставленъ въ затруднительное положеніе, не зная, по какому мѣрилу онъ долженъ судить. И вотъ, за отсутствіемъ твердыхъ указаній, онъ охотно беретъ у сосѣдей готовое мѣрило, повторяя зады того общественнаго мнѣнія, которое сложилось тамъ, на западѣ. Больше идти некуда. Такъ, помнится мнѣ, болгарскій судья, тамъ на далекомъ югѣ, потихоньку черпалъ изъ разноцвѣтной «Анисимовки» — рецепты на непредвидѣнные судебные казусы и, ударяя по судебнымъ уставамъ, восклицалъ: «о, это мудрая у васъ книга!»

Одна изъ характерныхъ чертъ нашего общественнаго мышленія это пугливость. Я не говорю о боязни за послѣдствія высказаннаго. Нѣтъ. Теперь у насъ рѣчь о другомъ. А вотъ—пугливость такого рода.

Чуть мысль шевельнется, сейчасъ вопросъ: имѣю-ли я право такъ мыслить, да получу-ли я одобреніе? Чье одобреніе, это бываетъ разное. Если я славянофилъ, я боюсь мнѣнія Москвы или хоть Страстнаго Бульвара. Если я западникъ, меня гложетъ сомнѣніе: а что, если меня тамъ сочтутъ за варвара? Вѣдь не легко человѣку, говорящему, а иногда и мыслящему на разныхъ языкахъ, лишиться той лестной привилегій, которую онъ всюду слышалъ: «странное—моль дѣло, хотя вы русскій, но на русскаго вы не похожи и стоите неизмѣримо выше вашихъ соотечественниковъ». И вдругъ, съ такой утонченной высоты!... Нѣтъ, есть-же предѣлъ всему, господа! Эта пугливость есть, по моему, послѣдствіе того, какъ родилось и какъ складывается наше общественное мнѣніе. Оно книжно и школьно и всегда основано на знаніи и ученіи. Между тѣмъ, въ другихъ странахъ, напримѣръ — въ Англіи, классической родинѣ могущества общественнаго мнѣнія, оно не книжно и не школьно; его основа самостоятельно отдѣляется отъ знанія и ученія и коренится въ потребностяхъ. У насъ — общественное мнѣніе есть послѣднее слово анемическаго истощенія на умныхъ

книгахъ. Тамъ оно является здоровымъ отправленіемъ животнаго организма. Характерно то, что у насъ въ общественномъ мнѣніи роль играютъ одни интеллигенты, которые по книжкѣ знаютъ о существованіи потребностей. Никакого участія не принимаетъ тотъ мѣщанинъ въ картузѣ и поддевкѣ или тотъ лапотникъ съ мочальной бородой, въ которыхъ коренятся эти самыя потребности.

Вдумайтесь на минуту въ эту картину, и вы увидите, что въ ней-то именно и кроется причина нашей бесплодности, нашей розни съ родною средою. Вотъ современная русская болѣзнь, которая насъ разъѣдаетъ.

Достоинно вниманія то обстоятельство, что этотъ мѣщанинъ и тотъ лапотникъ, которые не способны дорости до какого-либо «мнѣнія», они то и творятъ исторію. Но посмотрите, какъ они ее творятъ.

Вслѣдъ за паденіемъ Золотой Орды и Казани,—сподвижники Ермака проникаютъ до Берингова пролива и береговъ Амура. За турецкими войнами и поглощеніемъ Крыма — создается русскій Туркестанъ. Все это логично и послѣдовательно, но бессознательно; также бессознательно, какъ

стремленія той смоленской или рязанской семьи, которая въ рублищахъ, черезъ Тюмень или Оренбургъ, толкаясь по дорогѣ въ «контору переселеннаго», ищутъ царства «у Семи Палатъ», да «за Семью Рѣками», нося въ своихъ невинныхъ сердцахъ — грядущее величіе будущей Россіи. А мы, послѣднее слово русской образованности, поглядите на насъ, на что мы похожи! Прислушайтесь къ нашимъ разговорамъ, когда мы съ «гуманной» точки зрѣнія порицаемъ національные порывы, разсуждаемъ о «бесполезности брать Мервъ, пока мужикъ сидитъ на нищенскомъ надѣлѣ и гибнетъ отъ своей некультурности и алчности міроѣдовъ»: въ погромѣ сева-стопольскихъ твердынь видимъ только счастливое потрясеніе обледенѣвшаго края, ледоходъ шестидесятыхъ годовъ послѣ безпросвѣтной зимы и вовсе разучились сердцемъ ощущать тѣ невзгоды, цѣною коихъ купленъ этотъ ледоходъ; наконецъ, въ будущемъ нашего края, не клонить-ли насъ все наше благопріобрѣтенное «я» — къ неумѣнью сдѣлаться сознательными вождями бессознательнаго роста нашей исторіи?

Посмотримъ теперь, каково освѣщеніе крайнихъ вопросовъ съ исходной точки такого самосознанія.

Есть три главныхъ представителя окраинныхъ вопросовъ: польскій, балтійскій и финляндскій вопросъ. Имѣя въ виду разработать только одинъ изъ нихъ, мы не можемъ не отмѣтить нашего поведенія во всѣхъ трехъ. Есть одна общая черта. Для точной ея обрисовки, вернемся немного назадъ.

Проведите прямолинейную черту отъ Варангскаго залива къ устьямъ Двѣстра; эта линія какъ разъ совпадетъ съ 30-мъ восточнымъ меридіаномъ отъ Гринича. Вся земля, лежащая на западъ отъ этой черты, держится невидимыми нитями котораго-либо изъ указанныхъ трехъ вопросовъ. Мы эту неизбежную связь болѣе или менѣе ясно сознаемъ. Поэтому до полного самоотрицанія мы не доходимъ, при самыхъ сильныхъ приливахъ гуманнаго настроенія. Но, наше самосознаніе ищетъ лазейки, какъ-бы примирить голосъ самосохраненія и требованія гуманности. Тѣмъ легче вопросъ разбивается на массу подраздѣлительныхъ вопросиковъ, что въ этой обширной окраинѣ (въ треугольникѣ: Кола—Лодзь—Аккерманъ), встрѣчается значительное разнообразіе предметовъ несогласія: не одни расовые, но и религіозные, соціальные. Однимъ — подавай благополучіе, основанное

на сословной исключительности; другимъ — оберегай гарантіи конституціонной свободы. Часть этихъ окраинъ отстаивала свою самобытность до недавняго времени съ мечомъ въ рукахъ. Другая, напротивъ, придерживалась испоконъ вѣку тактики втереться въ довѣріе, занять въ нашихъ же рядахъ вліятельные посты и затѣмъ, незамѣтною интоксикаціею убѣждать насъ въ томъ, что намъ дѣла нѣтъ до вмѣшательства въ ихъ домашнія дѣла, что династическое служеніе съ ихъ стороны — совершенно равносильно государственной привязанности и что, вообще говоря, все съ этой стороны обстоитъ благополучно. Третьи наконецъ придерживались болѣе того начала, что молъ: «не тронь меня, и я тебя не трону», доходя иной разъ, говорятъ, до обсужденія вопроса о томъ, не быть-ли имъ «нейтральными» — въ случаѣ войны нашей съ сосѣдями.

Среди этой пестроты сложилось преобладающее въ нашемъ общественномъ мнѣніи начало, въ которомъ и выражается лазейка или компромиссъ между требованіями національнаго бытія и ведѣніями книжной гуманности. Это начало можетъ быть выражено такъ: мы вправѣ братья за укрѣпленіе нашихъ окраинъ только тогда,

когда мы въ состояніи принести этимъ окраинамъ нѣчто лучшее и высшее, нежели то, что снѣ до сихъ поръ имѣли. Наша роль должна быть непремѣнно цивилизующая, благотѣльная, развивающая, освободительная. Поэтому, вездѣ гдѣ мы, своимъ сытомъ, уровнемъ, средствами, способны поднять данную окраину, — ска-тертью дорога. А гдѣ наоборотъ, мы хуже, ниже, болѣе отсталые, тамъ мы должны воздерживаться. Тамъ — намъ говорить: руки прочь!

Такую формулу, конечно, радостно должны встрѣтить на окраинахъ. Да и нельзя ей не радоваться, съ точки зрѣнія туземцевъ этихъ окраинъ. Во первыхъ, провозглашается неприкосновенность тѣхъ частей ихъ прошлаго, которыя окажутся «лучше» нашихъ. А что такое «лучше» о этомъ всегда можно еще поспорить. Во вторыхъ, это самое главное, объединительный процессъ можно свести почти на нуль. Не даромъ само общественное мнѣніе признаетъ, что мы бѣдны, кругомъ банкроты и рѣдко рѣдко — найдется такое учрежденіе, которымъ дѣйствительно мы въ состояніи, кого-нибудь обогатить. Въ третьихъ, —хоть кого ободришь такимъ обѣщаніемъ, что «ежели мсль тебя

тронуть, то не иначе, какъ съ непосредственною цѣлью одарить и озолотить съ головы до ногъ».

Но какова практическая цѣна этой красивой, идеальной формулы—съ точки зрѣнія русскаго государства? Оправдывается ли такая программа нашей государственности, которая регулировала бы весь приливъ и отливъ нашихъ силъ — интересами, хотябы и священными интересами поляковъ, ливонцевъ, финновъ, шведовъ, татаръ и т. под. Неужели ужъ такъ безпредѣльны и неистоцимы дарованныя намъ въ приданое силы, чтобы мы изъ себя изображали дойную матку, да еще для тѣхъ счастливыхъ телятъ, которые двухъ матокъ сосутъ. Не рогъ-же изобилія въ нашихъ рукахъ, изъ котораго безвозмездно сыпалось-бы социальное счастье и совершенство учреждений. Нѣтъ, не отраженнымъ лучемъ чужаго счастья долженъ озаряться нашъ государственный бытъ! Онъ долженъ существовать, какъ нѣчто самобытное и самоцѣльное; ему надлежитъ черпать свое оправданіе къ существованію не изъ оказанныхъ кому-ли услугъ, а изъ того, что онъ есть на свѣтѣ и въ си-

лахъ дальше быть. Пародируя Декартовское изреченіе, наша государственная сила, дохнувъ полною грудью, должна сказать не: «*cogito ergo sum*», но прежде всего: «я есмь, а потому дай дорогу!»

III.

Отъ такой постановки перемѣщается центръ тяжести всѣхъ нашихъ дѣйствій, мыслей и разсужденій. «Быть» и проявить наше «бытіе»—вотъ всепоглощающая цѣль государственной дѣятельности.

Подступая съ этой точки зрѣнія къ оцѣнкѣ исторіи и, въ особенности, окраинныхъ вопросовъ, мы найдемъ совершенно цѣльное дѣйствіе, оправдываемое тѣми же мотивами и въ равной степени достойное нашихъ симпатій, въ разновременныхъ событіяхъ: взятія Риги въ 1710 г., введенія общаго учрежденія о губерніяхъ и основанія Рижской губерніи въ 1783 г. и введенія судебныхъ Уставовъ въ 1889 г.

Дѣйствительно, съ допущенной нами точки зрѣнія, Россія была въ равной степени права во всѣ три эпохи, предпринимаемая тождественная, по своей цѣли, дѣйствія. Между тѣмъ, съ точки зрѣнія идеально-гуманнаго начала, которую мы отвергли какъ руководящее основаніе политики,

оцѣнка этихъ трехъ моментовъ была-бы не единая, но крайне разнообразная. Паденіемъ Риги въ 1710 году создавался переходъ цвѣтущаго города въ руки полуварварскаго государства. Этого отрицать нельзя. При этомъ переходъ былъ изъ рукъ государства, доказавшаго оружіемъ Густава Адольфа, что оно умѣло защищать слабыхъ и, дорогою цѣною павшаго героя, ставшаго оплотомъ вѣротерпимости въ тяжелый вѣкъ тридцатилѣтней войны. Рига была вырвана нами изъ рукъ такого государства, которое при Карлѣ IX не задумалось смѣлой рукой взяться за устраненіе аграрной неурядицы, создавъ законы подъ тѣмъ или инымъ видомъ, дожившіе до нашихъ дней и нынѣ лежащіе въ основаніи поземельныхъ правъ прибалтійскаго крестьянства.

Что же мы могли дать Ливоніи въ 1710 году? Какую цѣнность могло представить для нея подчиненіе нашей державѣ? Не забудемъ, что государство, въ современномъ значеніи слова, тогда именно у насъ только зарождалось. Языкъ, нашъ цѣнный языкъ, которымъ теперь разносятся творенія русскаго ума, тогда не существовалъ вовсе. Мы стали говорить только устами Ломоносова. А что можетъ дать народъ до того бѣдный, что не со-

здалъ языка? Ужъ конечно не Уложение Алесѣя Михайловича могло идти на смѣну «ландрехта» Карла IX!

Ни судомъ, котораго у насъ не было, ни администраціей, которой мы тогда и не видали, ни улучшеніемъ быта населенія, когда закрѣпощеніе крестьянства шло у насъ еще въ гору, ничѣмъ не способны мы были въ то время перекутить тѣ блага, которыя въ состояніи была дать Швеція, гдѣ, по счастливой случайности ея историческихъ условій, — крѣпостное право никогда не существовало. Если-же, не смотря на нашу полную несостоятельность, пріобрѣтеніе Ливоніи въ Петровскія времена въ равной степени входило въ нашу задачу, какъ и позднѣйшія наши попытки къ водворенію въ краѣ русской государственности, то стало быть ясно, что это историческое оправданіе выводится нами совершенно самостоятельно отъ вопроса о выгодѣ данной окраины и независимо отъ того, подготовлены-ли мы или нѣтъ къ тому, чтобы приносить счастье и прогрессъ этой окраинѣ.

Не вѣрьте, чтобы прибыло нашего историческаго права распоряжаться въ нашихъ окраинахъ, потому только, что на красной площади нѣтъ больше казней Іоанна, и

что, наоборотъ, въ томъ-же Кремлѣ прозвучали въ 1861 году незабвенныя слова. Этимъ мы доказали только то, что призваны играть иную, болѣе благодатную роль въ міровой исторіи, нежели Хива или Бухара. Но право наше на то, чтобы крѣпнуть въ нашихъ тканяхъ, это право слѣдуетъ выводить изъ другихъ болѣе первичныхъ началъ, т. е., какъ сказано выше, изъ простаго факта нашего бытія и права на существованіе.

Престранное состояніе нашего умственнаго развитія, когда оказывается небезсмысленнымъ и даже небезполезнымъ доказывать, что мы вправѣ ставить національный эгоизмъ въ основаніе нашей политики. Я знаю, что не мало людей ставятъ себѣ эту немощь въ заслугу и склонны думать, что русскій человѣкъ, благодаря присущему его характеру чисто-евангельскому стиху, а нашей публицистикѣ гуманному направленію, сразу постигъ то, чего западный еще долго не пойметъ. Не вѣрьте; это одна блажь и убаюкиваніе нервовъ доморощенной лестью. Мы стоимъ на точкѣ замерзанія національнаго самосознанія и, каждый разъ, когда мы подымаемся выше замерзанія, то это происходитъ благодаря невѣроятнымъ усиліямъ

теоретическаго подогрѣванія нашихъ интеллигентныхъ сердець и мозговъ. Отъ себя же, естественно и силою нашей собственной природы, этотъ подъемъ не происходитъ. А это зловѣщая примѣта.

И не будетъ у насъ общественнаго мнѣнія, достойнаго быть названнымъ національной силою на Руси, пока это мнѣніе будетъ складываться изъ тѣхъ-же элементовъ: инертнаго тѣла и гальваническаго тока книжной указки.

Итакъ, вотъ исходный моментъ. Горячій поклонникъ книгъ, какъ многіе изъ васъ, читатели, я всетаки долженъ начать съ того, чтобы откинуть книжность, какъ руководящій источникъ общественнаго мнѣнія, требуя признанія его основаній въ реальныхъ потребностяхъ и въ началѣ національнаго эгоизма.

Ставъ на эту точку зрѣнія, намъ сразу будетъ понятно, какое мѣсто должны занять такъ называемыя «просвѣтительныя» начала, нерѣдко противопоставляемыя «низменнымъ», национальнымъ, эгоистическимъ. Мы далеки отъ мысли отрицанія свѣтлыхъ началъ прогресса и развитія—ради развитія. Несомнѣнно широко то мѣсто, которое должно быть имъ отведено въ программѣ внутренней политики. Но не слѣ-

дуетъ забывать, что эти начала должны быть постоянно проводимы въ связи съ идеею укрѣпленія нашихъ тканей и усиленія нашего бытія. Для необходимости такой связи не далеко ходить за наглядными доводами.

Дѣло въ томъ, что общечеловѣческіе гуманые принципы считаются вѣчными. — въ какой-бы формѣ они ни выразились въ исторіи: въ Евангеліи, въ философскихъ системахъ, въ деклараціяхъ людскихъ правъ, въ лирической поэзіи... А между тѣмъ, государственная единица прежде всего не вѣчна. Поэтому ей прежде всего опасна исключительная зависимость отъ началъ вѣчныхъ, или считающихся таковыми; она не можетъ, да и не вправѣ ставить свое существованіе на карту, въ зависимость отъ началъ, мѣтящихъ далеко за предѣлы ея существованія. Въ этомъ и лежитъ, абсолютно говоря, причина гоненій на христіанство первыхъ вѣковъ со стороны римской имперіи; въ этомъ причина постоянно повторяющейся изъ вѣка въ вѣкъ коллизіи идеалистовъ всевозможныхъ оттѣнковъ и видовъ съ государственнымъ началомъ.

Впрочемъ, въ благополучномъ осуществленіи государствомъ своихъ задачъ за-

интересованы, и весьма реально, тѣ же вѣчныя начала, постоянно стремящіяся къ его перерастанію. Дѣло въ томъ, что пока государственное начало не сыграло въ мірѣ своей роли, безъ него не могутъ обойтись и вѣчныя ученія. А до вырожденія этой роли неизмѣримо далеко, такъ далеко, что нашему поколѣнію лучше и не думать объ этой отдаленной будущности, такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію для каждаго понимающаго наблюдателя, что роль государства въ наше время растетъ неудержимо, служа намъ залогомъ ближайшихъ шаговъ къ прогрессу и народному величію.

Не трудно повяты, что насъ ожидаетъ на пути, если, пренебрегая вышеизложенными соображеніями, мы всецѣло подчинимъ свои національныя силы вѣчнымъ, всемірнымъ началамъ, не заботясь о постоянномъ приведеніи этихъ началъ въ связь съ условіями нашего личнаго самосохраненія. Благодаря именно своей вѣчности и всемірности, альтруистическія начала постоянно грозятъ тѣмъ, что насъ выбросятъ черезъ бортъ и затѣмъ осуществятся черезъ другія руки, а не черезъ насъ.

Не таковы должны быть цѣли и задачи практической политики. Несомнѣнно поэтому, что преслѣдованіе альтруистическихъ

задачъ должно быть подчинено требованію непремѣнной связи съ основаніями національнаго эгоизма.

Съ этой точки зрѣнія могутъ быть вполне оправданы даже такія дѣйствія, которыя разрушаютъ мѣстныя культурныя явленія, коль скоро эти явленія проникнуты духомъ, идущимъ въ разрѣзъ съ жизнью цѣлаго. Ни 600-лѣтнее существованіе какого либо воспитательнаго учрежденія, ни прошлыя затраты на размноженіе сѣти школьныхъ учреждений, ни плотно сложившійся корпоративный строй не вправѣ требовать вложенія въ ножны расходившагося меча, если въ этихъ, съ виду мирныхъ, культурныхъ насажденіяхъ продолжаетъ держаться и крѣпнуть враждебное настроеніе, не способное подчиниться духу времени, если въ нихъ куется тотъ булатъ, съ которымъ приходится всюду встрѣчаться на пути осуществленія національныхъ задачъ. Неизмѣримо высоко значеніе того, что можно назвать твореніями духа, также неизмѣримо велика ихъ боевая сила: но если слегка намѣченныя нами насажденія имѣютъ значеніе твердынь, то къ нимъ и должно быть примѣнено то мѣрило, которое пригодно для крѣпостей и боевыхъ запасовъ. Они должны быть наши или ихъ вовсе не должно быть.

IV.

Пора перейти отъ общихъ соображеній къ сути нашего предмета, коснувшись мимоходомъ его литературы.

Касаться литературы вопроса значитъ указать, что и къмъ писалось на эту тему, какое значеніе имѣють эти писанія и что можно еще донынѣ писать о томъ же. Начать надо съ того, что передъ нами далеко не дѣвственный лѣсъ, какъ, напри- мѣръ, еле расчищенный, финляндскій во- просъ. Здѣсь на каждомъ шагу узнаемъ просѣки и тропинки, на которыхъ всюду видѣнъ слѣдъ могучихъ, хоть и не много- численныхъ пионеровъ; они не такъ дале- ки отъ насъ, чтобы не помнился еще дерзновенный взмахъ ихъ топора. Въ 1849 году Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ проси- дѣлъ 12 дней въ Петропавловской крѣпо- сти за то, что написалъ «Письма изъ Ри- ги». Въ 1849 году воздвигнуть краеуголь- ный камень той прочной и послѣдователь- ной перестройки, которая всецѣло навѣяна изъ твореній этого мыслителя. Запретный плодъ смѣлаго публициста сталъ нынѣ государственной программой. Писаніе на ту же тему сдѣлалось совершенно безопас- нымъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, измѣнились и

задачи русскаго публициста въ разработкѣ балтійскаго вопроса. Открывать новыхъ материковъ уже не приходится, а только подводить итоги, углубляя намѣченные пути, разрабатывая теоретическимъ построениемъ то, что можно назвать принципами государственныхъ мѣропріятій. Ведя это дѣло въ неразрывной связи съ общей установкой нашего современнаго самосознанія, русскіе мыслители могутъ и нынѣ сотворить нѣчто дѣйствительно полезное для интересовъ нашей родины. Этотъ трудъ необходимъ для того, чтобы дѣйствующая сила шла твердо впередъ, какъ сооруженіе маяковъ и опредѣленіе фарватеровъ нужно для успѣшнаго развитія нашего судоходства. Законодателю и администратору некогда и нельзя строить теорію, безъ которой они обойтись не могутъ, какъ мореплаватели нуждаются въ картахъ, заранѣе начертанныхъ и которыхъ чертить на палубѣ корабля уже не приходится. Берега Балтики обманчивы и усѣяны шхерами, и если гдѣ-либо необходимы теоретическія построенія, содѣйствующія установленію безповоротной твердости государственнаго курса, то именно здѣсь, гдѣ прошлое свидѣтельствуетъ о столь многочисленныхъ измѣненіяхъ фарватера и путь

на каждомъ шагу усѣянъ обломками разбитыхъ ладей нашихъ предшественниковъ.

Тѣмъ болѣе неоцѣненнымъ благомъ должны мы считать обладаніе такимъ цѣннымъ наслѣдіемъ, какое оставилъ намъ Юрій Самаринъ въ его двухъ выдающихся твореніяхъ — въ «Письмахъ изъ Риги» (1848 г.) и въ «Окраинахъ Россіи» (1867 — 1876 г.), и хотя преждевременная его смерть во цвѣтѣ лѣтъ и лишила насъ продолженія (съ VI выпуска) послѣдняго сочиненія, однако уже то, что имѣется, даетъ съ необыкновенною щедростью все необходимое для вдохновенія и воспитанія людей втораго призыва. Еще весьма недавно эти вещи были вовсе недоступны. По какому-то странному недоразумѣнію, «забыли» снять цензурный запретъ съ берлинскаго изданія, несмотря на полнѣйшую благонадежность книги съ точки зрѣнія нынѣшняго времени. Да къ тому же, тѣмъ временемъ, чья то услужливая рука успѣла очевидно изъять изъ обращенія это изданіе. Получивъ возможность на законномъ основаніи выписать это изданіе, мы, нѣсколько мѣсяцевъ, розыскивали его антикварнымъ путемъ, посредствомъ объявленій, на германскомъ книжномъ рынкѣ, пока не удалось достать экземпляра,

шесть выпусковъ—за 22 рубля (!). Но за то русская публика можетъ безпрепятственно приобрести въ любомъ книжномъ магазинѣ московское изданіе за весьма умеренную цѣну*) и притомъ совершенно безъ пропусковъ, да еще съ цѣннымъ введеніемъ Дмитрія Ѳедоровича Самарина къ «Письмамъ изъ Риги», въ коемъ подробно излагается исторія этой книги и соотвѣтствующій эпизодъ изъ жизни его брата. Къ данной въ этомъ введеніи колоритной оцѣнкѣ «Писемъ изъ Риги» мы ничего отъ себя не прибавимъ. Издатель сначала приводитъ личные воспоминанія автора, высказанныя имъ въ «Окраинахъ Россіи» (Моск. изданіе I, 1868 г. стр. 1 и 2.

«Много лѣтъ спустя, когда Юрію Ѳедоровичу уже минуло 50 лѣтъ и онъ снова взялся за разъясненіе Остзейскаго вопроса, вотъ какъ онъ вспомнилъ о трудѣ своей молодости и о связанномъ съ нимъ важномъ событіи въ его жизни: «Ровно двад-

---

*) «Сочиненія Ю. Ѳ. Самарина. т. VII Письма изъ Риги и Исторія Риги. Изд. Д. Самарина. Москва 1888 г.; т. VIII Окраины Россіи, Москва 1890 г.» — Каждый томъ 2 рубля. Въ Московскомъ изданіи напечатаны пока первые три выпуска Окраинъ Россіи. Ожидается выходъ IX тома.

цать лѣтъ тому назадъ, пробывъ безъ ма-
лаго три года въ Ригѣ, въ то самое время,
когда съ переменною начальника края, въ
системѣ управленія русскимъ Балтійскимъ
поморіемъ совершался крутой переломъ, я
набросалъ на бумагу, въ формѣ писемъ,
выводы изъ моихъ изслѣдованій о про-
шедшихъ судьбахъ этого края и моихъ на-
блюдений о тогдашнемъ его положеніи. Все
это было незрѣло, писано съ плеча, подъ
вліяніемъ раздражительныхъ впечатлѣній
и свойственной молодости дурной привыч-
ки тыкать правдою прямо въ глаза. Сло-
вомъ: по тогдашнимъ понятіямъ, это была
непростительная дерзость, и покойный Го-
сударь (Николай Павловичъ), до свѣдѣнія
котораго добрые люди довели мою руко-
пись, продержавъ меня нѣсколько дней въ
крѣпости, поступилъ со мною (опять таки
по тогдашнимъ понятіямъ) снисходительно
и даже милостиво. Недавно опредѣлившійся
на службу титулярный совѣтникъ, осмѣ-
лившійся, не будучи къ тому призванъ
своимъ начальствомъ, произвести осужденіе
дѣйствій высшаго управленія, не могъ из-
бѣгнуть наказанія; но, по крайней мѣрѣ,
искренность и намѣренія провинившагося
остались незаподозрѣнными. Едва ли нужно
прибавлять, что я вспоминаю теперь объ

этомъ давно прошедшемъ времени не только безъ горечи, но и безъ сожалѣнія. Напротивъ, я благодаренъ судьбѣ, доставившей мнѣ случай видѣть покойнаго Императора съ глазу на глазъ, слышать прямодушную рѣчь его и унести въ памяти, изъ кратковременнаго съ нимъ свиданія, образъ историческаго лица, неожиданно передъ мною явившагося въ строгой и благородной простотѣ своего обаятельнаго величія». — Переходя затѣмъ къ оцѣнкѣ «Писемъ изъ Риги» съ болѣе современной точки зрѣнія, издатель Дм. Θεодоровичъ пишетъ:

«Теперь уже сорокъ лѣтъ отдѣляютъ насъ отъ рассказаннаго нами событія изъ жизни Ю. Θε — ча. Въ виду такой давности, это событіе, имѣющее не только частное, но и общественное значеніе, стало уже достояніемъ исторіи и потому подлежитъ обсужденію и съ нынѣшней точки зрѣнія. Мы видѣли, что современники и самъ авторъ называли «Письма изъ Риги» памфлетомъ. Они хотѣли сказать, что это — произведеніе публицистическое, а не ученое изслѣдованіе и не официальная дѣловая записка. Не слѣдуетъ забывать, что въ то время у насъ еще не было ни литературы политической, ни самаго термина

для ея обозначенія. Въ наше время принято называть такого рода произведенія публицистическими, а слово памфлетъ употребляется, хотя и безъ достаточнаго основанія, почти исключительно въ смыслѣ укоризненномъ. Говоря по этому языкомъ нашего времени, мы скажемъ, что «Письма изъ Риги» — произведеніе публицистическое и, какъ таковое, не нуждается ни въ оправданіи ни въ выясненіи полной его законности. Скажемъ болѣе: за этимъ талантливымъ произведеніемъ исторія нашей словесности и гражданственности признаетъ значеніе, родоначальника нашей политической литературы. Если Радищевъ, Глинка, Карамзинъ и должны быть причислены къ нашимъ первымъ публицистамъ, то они были въ этой области метеорами, которые вспыхивали при исключительныхъ обстоятельствахъ, не оставляя по себѣ прочнаго слѣда, и не отъ нихъ ведетъ свою родословную наша политическая литература; они были только ея предвѣстниками. Еще не настало тогда время нашей словесности снизойти изъ высшихъ сферъ поэзіи и культа изящному въ болѣе низменную область служенія насущнымъ вопросамъ жизни народной и государственной. Эту область, по вопросамъ

внутренней политики, упрочили за нашею литературою «Рижскія письма». Года черезъ три послѣ нихъ, когда еще было свѣжо впечатлѣніе, произведенное ими на общество, появились письма Погодина о нашей восточной политикѣ, а во время Крымской войны, подъ конецъ царствованія Николая Павловича, рукописная литература, въ которой обсуждались разные вопросы нашей внутренней и внѣшней политики, такъ распространилась, что правительство признало своевременнымъ разрѣшить у насъ политическую печать. Сверхъ того точка зрѣнія, установленная Ю. О — чемъ на остзейскій вопросъ сорокъ лѣтъ тому назадъ, та самая, которой держатся теперь всѣ лучшіе органы нашей печати. Таково то нашему мнѣнію, значеніе «Рижскихъ Писемъ» съ литературной и культурной точки зрѣнія *)).

Если таково, даже для потомства, значеніе «Писемъ изъ Риги», этого бурнаго, горячаго первенца нашего мыслителя, то какова должна быть цѣнность другого болѣе стройнаго творенія его зрѣлыхъ лѣтъ, достойнаго быть сочтеннымъ за произведе-

---

*) «Сочиненія Ю. О. Самарина» т. VII, введеніе стран. XCV — XCVII.

ніе классическое? Присваивая ему эпитетъ творенія классическаго, мы тѣмъ хотимъ сказать, что оно прямо просится, какъ воспитательный образецъ, въ руки того юношества, которому не безъизвѣстны Тацитъ, Плутархъ и Шиллеръ и для коего трепеть сердце собственной родины обрывается пока на «Борисъ Годуновъ».

V.

«Если бы когда нибудь русское общество повернулось спиною къ Прибалтійскому краю, махнуло рукою на Польшу, забыло про Кавказъ и Финляндію, отучилось вообще интересоваться своими окраинами, это бы значило, что оно разлюбило Россію какъ цѣлое. Въ тотъ день возрадовались бы представители всѣхъ враждебныхъ ей партій... они отпраздновали бы канунъ политическаго крушенія Имперіи». (Т. VIII Сочин. Юрія Самарина, Всеподданнѣйшее письмо 28 дек. 1868 г., стр. XVII.)

Опредѣлить истинное значеніе «Окраинъ Россіи» кажется намъ не легкимъ дѣломъ. Оцѣнка наша пишется въ 1893 году. Она должна быть сложнѣе, нежели оцѣнка современниковъ, потому что сила этого тво-

ренія не только пережила автора, но возрасла послѣ его смерти. «Валюта», позволимъ себѣ биржевое слово, поднялась настолько, насколько видоизмѣнился умственный рынокъ девяностыхъ годовъ, сравнительно съ шестидесятыми годами, и насколько многое изъ того, что писалъ Самаринъ, было въ то время не въ пору, а теперь возымѣло практическую пригодность. Въ «Окраинахъ Россіи» есть несомнѣнно двѣ стороны, которыя слѣдуетъ мысленно выдѣлать, не смотря на ихъ тѣсное взаимодействіе. Одна сторона — съ мѣстнымъ значеніемъ, другая общероссійская. Первая способна вовлечь въ ошибочное сужденіе читателя съ вялыми мозгами: нерѣдко слышатся его сужденія, въ родѣ того мнѣнія, будто эта книга устарѣла, потому что картина остзейскихъ порядковъ, въ ней изображенныхъ, наблюдается главнымъ образомъ въ концѣ сороковыхъ годовъ, а затѣмъ дополнена въ шестидесятыхъ, но уже нашему времени во все не соотвѣтствуетъ. Постараемся съ вами, читатель, не подражать вялымъ мозгамъ и, оставивъ, пока, безъ спора то впечатлѣніе, которое создаетъ первая сторона «Окраинъ Россіи» съ мѣстнымъ и временнымъ колоритомъ этой книги, постараемся выразить,

въ чемъ состоитъ ея вторая, общероссійская сторона, т. е. именно то качество, ради котораго ее вѣроятно будутъ читать и наши внуки, когда самая «Балтика» будетъ уже чисто археологическимъ понятіемъ.

Оцѣнить общероссійское значеніе «Окраинъ» значитъ сравнить ихъ съ состояніемъ умовъ и потребностей какъ того, такъ и нашего времени. Иначе говоря, требуется указать, какое мѣсто это произведеніе заняло въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ, и какое значеніе оно имѣетъ для насъ. Трудность успѣшнаго выполненія этой задачи состоитъ именно въ томъ, что ея нельзя рѣшить, не давъ сравнительной оцѣнки той и другой эпохи, т. е. не сравнивъ себя самихъ съ нашими старшими братьями и отцами. Вотъ почему, рѣшаясь сдѣлать шагъ въ этомъ направленіи, мы вполнѣ сознаемъ, что сказанное нами встрѣтитъ почти навѣрное столько же несласія, сколько и одобренія; ибо время къ произнесенію такого приговора еще не настало. Но... «попытка не пытка и спросъ не бѣда!»...

«Окраины Россіи» появились въ самую критическую пору минувшаго царствованія, когда почти всѣ крупныя реформы уже вышли въ свѣтъ, когда первые раскаты

зловѣщаго грома успѣли уже потрясти въ творящихъ рукахъ увѣренность въ преслѣдуемыхъ свѣтлыхъ цѣляхъ; когда однако еще не успѣло обнаружиться въ организмѣ дорогого пациента нашихъ дней малокровіе, созданное великимъ славянскимъ подвигомъ 1877 года и послѣдовавшей смутой. Не успѣло еще выясниться тогда и грозное оскудѣніе производительности края, къ которому пришли мы сегодня, ставъ словно лбомъ объ стѣну, мы — плательщики по долгамъ нашихъ предшественниковъ. Теперь выяснилось, что шестидесятые годы не создавали столько, сколько осуществляли созданное. На сценѣ были люди сороковыхъ годовъ. Когда эти дѣятели ушли и остались только люди, выросшіе въ первую половину царствованія, сразу почувствовалось безплодіе. Тоже явленіе относится и къ сложенію опредѣленныхъ типовъ русской мысли. Шестидесятые годы, собственно говоря, ничего не прибавили къ главнымъ ея теченіямъ, но застали готовые лагеря, сложившіеся четверть вѣка раньше: западниковъ и славянофиловъ. Въ нихъ олицетворялось въ родѣ двухъ магнитовъ, между которыми происходили колебанія осуществляемыхъ мѣропріятій вплоть до роковыхъ дней. Еще

семидесятые годы даютъ тому и другому началу разъ—другой вспыхнуть, какъ будто съ тѣмъ, чтобы съ ними разстаться на порогѣ новаго времени. «Санъ-Стефанскій договоръ» — лебединая пѣснь нашего медоваго мѣсяца на славянскомъ югѣ. «Диктатура сердца» — послѣднее увлеченіе недавними грезами. Нынѣ нѣтъ болѣе тѣхъ-же типовъ русской мысли; или по крайней мѣрѣ, эти теченія отошли на задній планъ. Между ними образуется все болѣе преобладающій, средній складъ понятій. Принадлежность къ крайнимъ лагерямъ того и другого отгѣвка сдѣлалась анахронизмомъ.

Это превращеніе будетъ понятно на подробностяхъ программы того и другого лагеря. Западники утверждали, что западный европеецъ вооруженъ цивилизаціей, которой нѣтъ у славянина, и что обладаніе этою цивилизаціей есть мѣрило совершенства, равно обязательнаго для всѣхъ, въ томъ числѣ и для насъ. Они вѣрили въ непреложную твердость того пути, по которому идетъ эта цивилизація, отрицали, чтобы ей были присущи какія либо коренныя гнилостныя свойства, видя въ нихъ лишь временныя недостатки.. Прирожденнымъ расовымъ свойствамъ придавалось значеніе второстепенное. Подра-

жаніе рекомендовалось какъ кратчайшій путь догнать во что бы то ни стало болѣе совершенный западъ. Культурное значеніе религіи отдалялось на зданій планъ: индифферентизмъ пользовался повышенной симпатіей въ силу того, что имъ, по крайней мѣрѣ, не угнетались непринужденные поиски каждаго за истинами вѣры. Элементъ національной розни считался препятствіемъ къ осуществленію главной цѣли общежитія, которая полагалась въ широкомъ сближеніи людей подъ всѣми долготами и широтами. Послѣднимъ выводомъ практической мудрости на этомъ пути было — поощреніе правительства и довѣріе не столько внутреннимъ силамъ самого народа, сколько скорѣе формамъ общежитія, принесеннымъ извнѣ, въ которыхъ усматривалась воспитывающая и ограждающая сила.

С л а в я н о ф и л ы, противъ тѣхъ-же тезисовъ, утверждали, что западная цивилизація пригодна только для запада и намъ нѣтъ надобности догонять западъ; такъ какъ мы идемъ своими собственными путями. Этотъ западъ гниль, и его цивилизація разъѣдается гнилью, которая чужда нашему организму, говорили они. Этой счастливой чистотою, мы молъ обязаны

прирожденной свѣжести славянской расы и догматической истинѣ восточнаго христіанскаго вѣроисповѣданія, которое естественно сращено съ славянскимъ міромъ такъ, что отрасли славянства, подпавшія подъ вліяніе католицизма, протестантства и мусульманства, оказываются въ условіяхъ гибельныхъ для славянскаго генія. Точкой опоры въ развитіи рекомендуется не общечеловѣческое сближеніе, но твердое охраненіе національнаго начала, разумѣя его въ двухъ концентрическихъ кругахъ общеславянскаго и русскаго родства, съ преобладаніемъ втораго единенія надъ первымъ. Практическимъ выводомъ этого ученія былъ призывъ правительства къ вѣрѣ въ общественныя, самобытныя силы русскаго народа, въ томъ видѣ, какъ есть этотъ народъ, безъ всякаго предварительнаго его облагороженія вышними воспитательными формами. Это былъ призывъ не только къ довѣрію, но и къ совмѣстной дѣятельности, и на пользу всего человѣчества, и на пользу своей ближайшей родины—Россіи.

Вотъ эта именно практическая формула славянофильства пережила начальный лепетъ неуклюжей доктрины и успѣла вытѣснить соперницу, построенную на

началахъ космополитизма и парламентаризма.

Пересматривая боевой запасъ того и другого лагеря, современный русскій человѣкъ къ своему удивленію, узнаетъ частицы своей собственной души и тутъ и тамъ, но его коробить и тошнить въ нѣкоторыхъ выводахъ той и другой стороны. Ясный признакъ того крупнаго событія, которое совершилось съ срединѣ 80-хъ годовъ, и нынѣ еще длится, еще не довершилось, это — замиреніе умовъ. Раскройте метрическія книги того времени; въ нихъ новорожденный не значится. Онъ родился какъ-то незамѣтно; и нерѣдко тѣхъ, которые указывали на это новое явленіе, встрѣчали холодомъ недовѣрчивыхъ улыбочекъ. Но вотъ, это явленіе растетъ; оно теперь всѣмъ колетъ глаза. Идутъ къ объединенію силы Россіи. Уже уходитъ съ каждымъ днемъ то роковое время, когда печать недовѣрія и безнадежности лежала на челѣ всего кипущаго и молодого; когда затхлость казалась синонимомъ благонадежности во всѣхъ ея значеніяхъ; когда наконецъ печать, школа, книга, мысль, словомъ все, что возвышаетъ надъ уровнемъ травоядныхъ и плотоятныхъ, казалось, существовали

только ради того, чтобы создавать пласты непримиримаго населенія, которому негдѣ было пристроиться и котораго не ждали никакія задачи. Вы удивляетесь, что между нами нѣтъ болѣе крупныхъ именъ, что государственные люди ежедневно вырастаютъ изъ рядовъ анонимовъ, что замолкли струны русской лиры и некому, при видѣ надвигающейся на насъ азіатской пустыни и хроническихъ неурожаевъ, некому, говорю я, встать, какъ Косьма Мининъ Сухорукъ, противъ общаго врага и защитить землю русскую рукою трудовой? Да иначе и быть не могло. Земля свое дѣло сдѣлала: она людей, какъ всегда, родила. Но куда, на какія безвозвратныя тропы ушли эти люди?! Лучшее время настало. Могучій кликъ державный, зовущій всѣхъ къ совмѣстной работѣ и заботѣ, нынѣ уже встрѣчаетъ отзвукъ, пониманіе и довѣріе въ сердцахъ. Показанъ путь. До Амура, до Герата строится, крѣпнеть русская земля. На этомъ просторѣ, передъ широкими затѣями недалекаго будущаго, можетъ и должна пристроиться всякая — спокойная и неспокойная сила. Дѣла кипить вдоволь; оно ждетъ приложенія всѣхъ силъ, какія есть. А есть надежда, что, при дружномъ дѣйствіи власти и обще-

ства, подѣ благотворнымъ вліяніемъ замиренія и взаимнаго довѣрія, всюду будутъ проявляться русскіе вожди и честью послужать «государеву дѣлу».

VI.

Какое-же мѣсто занимаетъ авторъ «Окраинъ Россіи» среди указанныхъ теченій русской мысли? Задавшись этимъ вопросомъ, послушаемъ отъ него-же, какъ онъ самъ себя опредѣляетъ: «Я не революціонеръ и не консерваторъ, говоритъ онъ, не демократъ и не аристократъ, не социалистъ, не коммунистъ и не конституціоналистъ. Я убѣжденъ, что долѣтъ дней злоба его и что далеко еще не наступило для Россіи время думать объ измѣненіи существующей формы правленія.

«Вижу, что самодержавная власть (что бы она сама о себѣ ни думала) никогда не была такъ сильна нравственно какъ теперь; думаю, что никакая другая власть, въ настоящую минуту, не могла бы внушить такого къ себѣ довѣрія, ни располагать такъ легко, такимъ добровольнымъ, единодушнымъ и безпритязательнымъ содѣйствіемъ народныхъ силъ; вывожу отсюда, что историческое призваніе самодержавія еще не исполнилось и что ему предстоитъ совершить еще

многое для блага Россіи; крѣпко держусь той вѣры (все еще держусь, не смотря на все совершающееся и, по видимому, готовящееся въ настоящую минуту — (Декабрь 1867 года), что, по существу своему, самодержавіе отнюдь не несовмѣстно съ тою свободою, въ которой мы въ настоящую минуту дѣйствительно нуждаемся, что наконецъ вопросъ теперь не въ томъ: какая форма правленія для насъ лучше, а въ томъ: которое изъ двухъ побужденій, периодически смѣняющихся въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, окончательно возьметъ верхъ надъ другимъ — довѣріе или страхъ? Если восторжествуетъ первое, то оно дастъ просторъ нашимъ національнымъ стремленіямъ и тѣмъ самымъ укрѣпитъ за нами наши государственныя окраины, ибо Россія, развязанная у себя дома, вѣрная своему историческому призванію, непременно понесетъ и туда дѣйствительную свободу для всѣхъ, поставитъ на ноги народныя массы и подниметъ ихъ духъ — а на всѣхъ нашихъ окраинахъ (къ счастью, не вполнѣ нами заслуженному) народныя массы все еще за насъ. Наоборотъ, второе побужденіе повело бы къ систематическому давленію внутри и къ неразлучному съ тѣмъ послабленію на нашихъ

окраинахъ всѣмъ антирусскимъ стихіямъ, тиготѣющимъ къ заграничнымъ центрамъ.

«Повторяю: давленіе дома, послабленіе на окраинахъ — одно другимъ обусловливается. Мы это можемъ видѣть на каждомъ шагу. Кто нашептываетъ правительству, что оно слишкомъ далеко зашло на пути либеральныхъ реформъ и пугаетъ его полусвободою нашей печати, присутствіемъ крестьянъ на земскихъ собраніяхъ и все-сословнымъ выборомъ мировыхъ судей; кто проповѣдуетъ необходимость подтянуть, обуздать и осадить русское общество, двинувъ противъ него аппараты полицейской власти, тотъ въ тоже время зигрируетъ съ польскою шляхтою и молча пасуетъ при встрѣчѣ съ балтійскимъ рыцарствомъ; равномерно, кто внутренне благоговѣетъ передъ балтійскою и польскою гражданственностью и лепчетъ про себя мысль украсить Россію, пересадивъ на почву ея политическіе идеалы, заимствованные у окраинъ, тотъ, вопреки кажущемуся либерализму своихъ стремленій, по крайней мѣрѣ, своихъ фразъ, оскорбляется въ глубинѣ души лепетомъ недавно пробудившейся русской мысли, и, не будучи въ состояніи усыпить ее вновь, по крайней мѣрѣ, отравляетъ ей полусвободу гласнаго выраженія, только что ею полу-

ченную черезъ его жъ руки. Повидимому, у этихъ двухъ людей точки отправленія совершенно различныя; но они приходятъ къ однимъ результатамъ, и потому, разъ встрѣтившись, пойдутъ рука объ руку до конца». (Окраины Россіи, Моск. изд. 1890 г. стр. 4 и 5).

Центромъ тяжести изложенныхъ убѣжденій является обращеніе къ государственной власти съ требованіемъ полнаго довѣрія къ народнымъ силамъ и простора національнымъ стремленіямъ. Этой власти Самаринъ говоритъ: будь сильна вѣрою въ себя самое, какъ мы въ тебя вѣримъ; не отдавайся чужеземцу и не вѣрь его вкрадчивымъ напѣвамъ, когда онъ, какъ врагъ русской земщины, будетъ сплетать въ неразрывную ткань передъ тобою тлетворные ростки русской смуты и здоровые стволы нашей общественной силы; когда онъ, обманчивымъ отождествленіемъ этихъ двухъ несходныхъ величинъ, задумаетъ одурманивать тебя страхомъ и завлечь ложнымъ завѣреніемъ, говоря: не сомѣвайся, опричникъ спасеть!

По силѣ указанныхъ основаній его ученія, принято считать Юрія Самарина однимъ изъ вожаковъ славянофильства. Таково опредѣленіе значенія этого писателя, какое

обыкновенно дается ему за границей. Мы не отрицаемъ этого опредѣленія, но считаемъ нужнымъ замѣтить, что геній Самарина былъ слишкомъ широкаго полета, чтобы замкнуться въ узкихъ рамкахъ школы, хотя бы наиболѣе къ нему же близкой по духу. Да, онъ скорѣе славянофилъ; но его оригинальность переливала черезъ край, и, во многихъ поприщахъ его дѣятельности, разносторонность его пониманія жизни сближала его съ западниками. Я не только имѣю въ виду практическія задачи и выработку Положенія 19 февраля, его борьбу перомъ и дѣломъ противъ нашего домощеннаго крѣпостничества, наконецъ глубокую солидарность мысли и дѣйствія съ такими лицами, какъ Н. А. Милютинъ *). Эти черты изъ жизни Ю. О. Самарина стоятъ, собственно говоря, внѣ партійныхъ взглядовъ и выше ихъ; онѣ принадлежатъ потомству и вызываютъ равное восхищеніе, какъ западниковъ, такъ и славянофиловъ.

Но даже публицистъ Самаринъ находилъ порою широкія точки прикосновенія

---

*) См. по этому поводу замѣчательную книгу Anatole Leroy-Beaulieu «Un homme d'Etat russe (Nicolas Milutine) d'après sa correspondance inédite» — Paris 1884 г. Hachette, стр. 45 и др.

съ передовыми людьми другого лагеря. Читатели «Ревельскихъ Извѣстій» ознакомились недавно съ богатствомъ содержанія переписки Юрія Ѳедоровича съ баронессою Эдитой Раденъ. Оказывается, что тѣсная дружба и уваженіе удержалось въ ихъ отношеніи до конца жизни Юрія Ѳедоровича.

Не менѣе теплыя отношенія существовали съ 1872 по 1875 г. между Самаринымъ и Кавелинымъ. Переписка, возникшая между ними по поводу «Задачь Психологіи» К. Д. Кавелина, представляетъ значительный интересъ, съ точки зрѣнія ближайшаго разграниченія Юрія Ѳедоровича отъ школы западничества. Она помещена въ посмертномъ московскомъ изданіи его сочиненій въ томѣ VI-омъ. Не переставая принадлежать къ лагерю весьма опредѣленной окраски, Юрій Ѳедоровичъ тѣмъ проявлялъ широту своей натуры, что могъ безъ раздраженія и съ глубокимъ уваженіемъ относиться къ людямъ другого закала. Много ли у насъ дѣятелей и публицистовъ того же времени, о которыхъ можно было бы съ спокойной совѣстью сказать тоже самое? Эта черта была какъ бы личною его особенностью. Юрій Ѳедоровичъ проявлялъ личное расширеніе духа,

не переставая принадлежать къ славянофиламъ. Но, всматриваясь въ его политическія творенія, вы убѣждаетесь, что это явленіе могло быть слѣдствіемъ и не однихъ личныхъ качествъ, а нѣчто присущее его же ученію. Читая «Окраины Россіи», вдумываясь въ дѣятельность Самарина по крестьянскимъ вопросамъ, мнѣ сдается, что называя все это плодомъ славянофильства, мы впадемъ въ односторонность. Вѣрнѣе будетъ сказать что Самаринъ, принадлежа славянофильству, перерослъ предѣлы славянофильства.

Мы указали выше, что, по нашему крайнему разумѣнію нынѣшняго состоянія умовъ въ Россіи, теперь растетъ и крѣпнеть особое міровоззрѣніе, слагающееся изъ наслѣдія прежнихъ школъ чистаго славянофильства и чистаго западничества. Этому направленію — имени пока еще не дано. Назовемъ его наугадъ: прогрессивнымъ націонализмомъ. Мы сказали, что это направленіе начало складываться менѣе 10 лѣтъ тому назадъ и, притомъ, выросло почти незамѣтно. Теперь оно имѣетъ подъ собою надежную почву. Не сегодня-завтра появится крупная руководящая газета и выкинетъ именно этотъ флагъ; внезапно, но уже теперь нельзя сказать,

что неожиданно, оно хлынетъ въ романъ, выступитъ на сцену, заговоритъ въ затрапезныхъ рѣчахъ, возсядетъ въ министерскихъ кабинетахъ, блеснетъ во всеподданнѣйшихъ докладахъ и гулко разнесется по далекимъ морскимъ пучинамъ, вездѣ, гдѣ мелькаетъ на вымпелахъ крестъ Андрея Первозваннаго.

Сознаніе этого именно превращенія и кроется, какъ бы въ видѣ затаенной, пророчески предчувствующей энергіи, въ твореніяхъ Юрія Самарина. Онъ одаренъ политическимъ чутьемъ. Его пониманіе государственныхъ задачъ, думается мнѣ, содержитъ въ себѣ нѣчто такое, чего окружавшія его лица не могли понять, схватить и провести въ жизнь. такъ именно, какъ это можетъ и обязано наше поколѣніе. Въ этой силѣ заключается непреходящее для насъ значеніе «Окраинъ Россіи». Читая эту книгу мало. Слѣдовало бы изъ нея извлечь именно эту вѣчную силу, изложить ее и сжать для пользы заурядныхъ, мало мыслящихъ людей, изъ рядовъ которыхъ все же много выходитъ полезныхъ и энергичныхъ практическихъ дѣятелей. Не всякій способенъ сдѣлать собственнымъ трудомъ этотъ тяжкій опытъ анализа и мыслительнаго пережевыванія.

Тутъ необходимо раздѣленіе труда. Пускай мыслитель извлечетъ, изложитъ изъ этого глубокаго источника «гражданскій катихизисъ русскаго дѣятеля».

Мнѣ думается, что правительство было бы вправѣ требовать отъ чиновниковъ всѣхъ іѣдомствъ совершеннаго знанія такого катихизиса, какъ непремѣннаго условія служенія на окраинахъ. Вѣдь умѣетъ же англо-индійское правительство проводить умнѣйшую систему подготовленія спеціально знающей администраціи, отъ которой не ускользаетъ ни одна особенность индійскаго быта. Взгляните на прусскій режимъ, съ какимъ подборомъ ведется административная кампанія германизаціи въ Восточной Пруссіи и Познани. Почему же намъ непремѣнно суждено оставаться при тѣхъ пріемахъ и служебныхъ понятіяхъ, какія «бѣху искони»? Почему же чиновникъ, бывшій зауряднымъ въ Вяткѣ, въ силу приказа о назначеніи, вдругъ оказывается способнымъ (не читая исторіи, не изучая языковъ и не вѣдая политической литературы), осуществлять государственныя задачи въ сложнѣйшемъ бытѣ любой изъ нашихъ окраинъ? А тамъ, чуть онъ немного протретъ очи и, среди царствовавшаго для него мрака, начнетъ

различать окружающіе предметы, какъ его двинуть къ новому назначенію, подальше отъ той-же трудно понятной окраины; но за то дадутъ ему такого же зауряднаго преемника прямо изъ Курмыша. Это своего рода унаслѣдованная служебная философія.

Трудно, по правдѣ сказать, выяснить себѣ, на чемъ держится такая традиція. Но несомнѣнно, что такое пониманіе дѣла вредить государственнымъ интересамъ. Нельзя служить послѣдовательно этимъ интересамъ, когда положеніе дѣла таково, что общественныя силы, ведущія къ обрусенію окраинъ, сводятся къ нулю. А правительственный рычагъ, единственное серьезное къ тому средство, стоитъ въ исключительной зависимости отъ уровня и подготовленности чиновничества. Это чиновничество между тѣмъ таково, что у него въ головѣ только двѣ заботы: отсчитаться передъ контрольной палатой, а тамъ—на досугѣ козырнуть.

XIII.

Несмотря на всѣ указанные качества, Юрія Федоровича Самарина можно нынѣ назвать «забытымъ писателемъ». Отчего это происходитъ, трудно сказать въ одномъ

словѣ. Прежде всего, кто у насъ, въ нынѣшнее именно время не забыть? Положа руку на сердце, кто у насъ читаетъ даже Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Бѣлинскаго? Да кто можетъ сказать, что «знаетъ» ихъ? Я знаю, мнѣ скажутъ, что «знаютъ» всѣ; но это неправда. Это одна изъ нашихъ многочисленныхъ условленныхъ неправдъ; ибо «знать» потому, что въ гимназій проходилъ того или другого автора, это еще не есть «знаніе», какое желательно въ отношеніи національныхъ писателей, которые должны быть спутниками нашей мысли въ зрѣлые года; поэтому, одна распространенность подсбнаго убѣжденія, будто мы ихъ знаемъ, служить лучшимъ доказательствомъ того, что въ наше время умственного упадка у насъ затемнилось даже правильное понятіе о томъ, что такое «знаніе». Я не знаю, какъ представляется дѣло вокругъ васъ, любезный читатель! но, что касается меня, куда я ни взгляну, вижу одно и тоже явленіе: нашъ современникъ ничѣмъ не интересуется, ни добромъ, ни зломъ, ни доморощеннымъ, ни чужестраннымъ, ни глубоко-мысленнымъ, ни легкимъ. Къ тому же прикиньте еще слѣдующую черту, ко-

торой я нигдѣ не встрѣчалъ, хотя проживалъ подолгу и путешествовалъ и на западѣ, и на крайнемъ югѣ, и среди христіанъ, и среди евреевъ и даже мусульманъ. Эта черта, кажется, не всегда у насъ была; но почему то она мнѣ все рѣзче и рѣзче бросается въ глаза, чѣмъ дольше я живу, и все больнѣе щемитъ она душу и сердце. Какъ-бы это выразить? это какой-то особенный видъ одичанія, котораго у крестьянина нѣтъ, но который въ наиболѣе сильной степени бьетъ въ глаза у интеллигентнаго человѣка, а въ особенности у чиновника. Названія этой чертѣ не существуетъ, а потому надо ее сперва описать.

Когда черногорецъ представляетъ вамъ свою жену, онъ говоритъ «это, извините, моя супруга». Именно такое отношеніе царствуетъ въ нашихъ нравахъ, относительно науки — и вообще всего маломальски умственнаго. Мы уже пережили ту стадію развитія, когда за это быють или ругаютъ. Но мы именно сидимъ въ томъ періодѣ, когда уже хвалятъ, но еще не уважаютъ. Я не знаю ничего болѣе обиднаго, нежели тотъ оттѣнокъ хвалы, который достается вамъ у насъ за умственный трудъ. Когда гово-

рять: «о! это философъ!», то тутъ есть смѣсь того ощущенія, которое получается при видѣ трупа, чучела или кастрата. Утвержденіе такого рода: «это вполнѣ человѣкъ науки» — звучитъ не какъ предложеніе положительное, а какъ логическій сгустокъ цѣлаго рода подразумѣваемыхъ отрицательныхъ предложеній. Это значитъ, что «въ немъ нѣтъ ни того, ни сего, безъ чего нельзя быть органическимъ членомъ окружающей среды, словомъ — безъ чего нельзя жить».

Наша масса, разгромляющая «дохтуровъ» гдѣ-нибудь въ Поволжьи, все-же не имѣетъ въ себѣ этого своеобразнаго отношенія къ умственному міру, которое носить въ себѣ наше чиновничество. Наша масса ополчается противъ «умственности» именно вслѣдствіе чувства страха передъ нею, признавая тѣмъ самымъ, что въ «умственности» есть сила. Она вѣритъ въ эту силу. Наше чиновничество прежде всего не вѣритъ въ умственную силу. Тутъ прикосновеніе къ наукѣ считается признакомъ слабости, волевой дряблости и совершенной изолированности отъ всего окружающаго. Это явленіе совершается въ мозгахъ весьма способныхъ и умныхъ людей, которые, сами

того не замѣчая, преклоняють волю подъ позорящее ярмо. Вся ихъ природная даровитость, всѣ пріобрѣтеныя ими до службы познанія, аттестованныя казенной печатью, не въ состояніи открыть имъ глаза на то, уже не далекое будущее, когда и наше общественное мнѣніе сочтетъ мысль за такую-же строящую силу какъ паръ, вѣтеръ или теплородъ; когда оно убѣдится въ томъ, что человѣкъ отъ прикосновенія съ умственной стихіей дѣлается сильнѣе, болѣе жизненнымъ, а не слабымъ и мертвеннымъ; когда наконецъ самыя туго поддающіяся струны чиновничьей души, и тѣ убѣдятся въ томъ, что мысль есть двигатель, способный приносить знаки отличія и въ петлицу, и на шею и даже черезъ плечо.

Но пока, это время не настало. А потому неудивительно, что даже такой писатель, какъ Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ можетъ быть названъ «забытымъ писателемъ». Въ настоящее время, всякій, берущійся за перо, принимается за работу не потому, чтобы онъ былъ увѣренъ возбудить сочувствіе, а скорѣе всего — вслѣдствіе писательскаго зуда. И въ самомъ дѣлѣ, что бы вы ни писали, характерно именно то, что никакого отзвука ни одобренія, ни порицанія вы не

встрѣтите. Я не говорю, что не появится рецензій на написанную вами книгу: иные будутъ хвалить, другіе ругать. Но вѣдь, кто-же это хвалить или порицаетъ? Какихъ-нибудь 5—6 человекъ, которыхъ вы знаете по имени и отчеству. Одинъ сидитъ, положимъ, въ Петербургѣ, другой въ Москвѣ, третій въ Кіевѣ, и готово. Это общество мнѣніе на всю Россію, гдѣ проживаетъ 10 милліоновъ людей, способныхъ имѣть какое нибудь мнѣніе. Это, какъ хотите, а должно дѣйствовать развращающимъ образомъ на писателя. Чувствуются въ душѣ позывы къ эпикурейству: «я молъ пишу для себя, ради пищеваренія. Будь ты проклятъ. . .»

При видѣ незаслуженно забытаго писателя вспоминается въ видѣ утѣшенія, что въ литературѣ бывали поразительные примѣры воскресенія памяти такихъ писателей, подчасъ черезъ нѣсколько поколѣній. Помнится одинъ мыслитель, коимъ мы съ упоеніемъ восторгались въ юношескіе годы, это Вильгельмъ Гумбольдъ въ его «Опытѣ о границахъ государственнаго вмѣшательства». Эта книжка появилась въ какомъ-то журналѣ, выходившемъ въ Германіи сто лѣтъ тому назадъ. При появленіи на свѣтъ эти очерки прошли

незамѣченными, и только въ срединѣ 50-хъ годовъ настоящаго столѣтія, этого «забытаго писателя» извлекли изъ архивной пыли; его слова нежданно негаданно прозвучали въ спорахъ современниковъ, гармонируемая проповѣдью Джона Стурарда Милля, и маленькое крылатое твореніе, перелетѣвъ пропасть забвенія и умственной смерти, нынѣ достигло безповоротно укрѣпившейся за нимъ славы. Его будутъ читать безъ скуки наши правнуки.

Вотъ надежда такого рода меня беретъ, когда я читаю «Окраины Россіи» и вижу, до какой грустной степени къ сему памятнику русскаго гения — можно сказать словами поэта:

«Ужъ заросла народная тропа»...

При указанныхъ свойствахъ современнаго читателя, мы вправѣ предполагать, что и существующей въ обращенія, всѣмъ доступной книги они не читали. Съ этой точки зрѣнія не бесполезно указать вкратцѣ содержаніе «Окраинъ», хотя-бы ради того, чтобы заинтересовать и дать толчокъ къ приобрѣтенію и прочтенію этой дивной книги.

Авторъ «Окраинъ» задумалъ рядъ

этюдовъ о всѣхъ окраинахъ, не ограничиваясь одною «первой серіей—русскимъ балтійскимъ поморіемъ». Преждевременная смерть, наступившая 31 марта 1876 года (всего 57 лѣтъ отъ роду) — прервала нить изслѣдованія, очевидно, до окончанія первой серіи, такъ какъ послѣдній выпускъ доводитъ крестьянскій вопросъ въ Лифляндіи только до такъ называемаго «освободительнаго» акта 1819 года. оставляя въ сторонѣ важнѣйшіе труды 40-хъ годовъ, Фелькерзамовскія распри, урочное уложеніе 1849 года, словомъ, ту эпоху, въ которой самъ Юрій Федоровичъ принималъ участіе и для описанія которой у него, безъ сомнѣнія, накопилась пропасть матеріала. Въ такомъ видѣ «Окраины Россіи» состоятъ изъ шести выпусковъ. Первый (176 страницъ) даетъ въ сильныхъ, жгучихъ штрихахъ общую картину того, чѣмъ была Прибалтика въ административно-общественномъ ея видѣ въ 1867 году. Этому выпуску мы придаемъ особенное значеніе, въ виду его обще-охватывающаго изложенія, а потому и будемъ говорить о немъ болѣе подробно. Второй выпускъ (110 стр.) содержитъ пересказъ «записокъ православнаго латыша Индрика Страумита», очевидца движенія народа къ

православію въ 1840 — 1845 годахъ. Тутъ читатель найдетъ не мало картинъ мрачнаго угнетенія и вообще закулисную сторону балтійской культуры. Сцена прощанья умирающаго латыша съ семьей черезъ окошко тюрмы представляетъ поистинѣ раздирающую картину суровой красоты. Эти страницы, видно, начертаны кровавыми слезами того, кто писалъ эти записки. Затѣмъ помѣщены двѣ полемическія статьи: отвѣтъ анонимному писателю изъ Баденъ-Бадена (по французски) и пространный отвѣтъ гг. Ширрену и Бокку по поводу предыдущихъ выпусковъ «Окраинъ» — (всего 115 стран. въ обѣихъ статьяхъ).

Третій выпускъ посвященъ исторіи движенія латышей къ православію въ 1840-хъ годахъ (200 стр.). Къ нему же примыкаетъ, по своему значенію, и четвертый — посвященный «процессу русскаго правительства съ евангелическимъ союзомъ» (стр. 364); но здѣсь уже появляются и отдѣлы, посвященные крестьянскому дѣлу: о водвореніи православныхъ крестьянъ въ казенныхъ имѣніяхъ и о сельскихъ школахъ въ Лифляндіи. Пятый выпускъ (130 стр.) содержитъ записку бывшаго прибалтійскаго генераль-губернатора Альбедин-

скаго о религиозномъ дѣлѣ, о крестьянскомъ вопросѣ и о введеніи русскаго дѣловаго языка къ Прибалтійскихъ губерніяхъ. Наконецъ, шестой выпускъ представляетъ изъ себя объемистый томъ (433 страницы), цѣликомъ посвященный аграрному вопросу въ Лифляндіи и исторіи крестьянскаго дѣла отъ шведскаго владычества до 1819 г.

Возвратимся къ содержанію I выпуска, посвященнаго руководящему обзорѣнію всего поля изслѣдованія, такъ сказать, съ высоты птичьяго полета. По всему видно, что исходнымъ толчкомъ къ написанію «Окраинъ» послужилъ памфлетъ, изданный въ 1867 году, въ Берлинѣ, бывшимъ вице-президентомъ лифляндскаго гофгерихта фонъ-Боккомъ, подъ заглавіемъ «Livländische Beiträge» и т. д. (Лифляндскихъ Вкладовъ). Здѣсь не мѣсто развертывать тѣ колоритныя картины и доводы, которыми фонъ-Боккъ старался возбудить въ Германіи участіе «къ ея сѣверовосточной колоніи, къ нѣмецкимъ Остзейскимъ провинціямъ Россіи»*); не мѣсто долго останавливаться на томъ, что «Лифляндскіе Вклады» были занесены въ цензурный

---

*) «Окраины Россіи», I, стр. 17.

каталогъ въ число книгъ запрещенныхъ и къ обращенію недопущенныхъ, «чтобы не раздражать русскаго національнаго чувства противъ уроженцевъ Балтійскаго края»; вслѣдствіе чего, какъ говоритъ Самаринъ, «русское національное чувство избавилось отъ раздраженія вреднаго для здоровья, а тѣмъ временемъ, за границею, нѣмецкое національное чувство стало было накаляться и раздражаться противъ Россіи — точь въ точь какъ во Франціи передъ польскимъ мятежомъ и во время мятежа».*) Отбросивъ отъ себя заботы невропатическаго свойства о состояніи духа своихъ читателей, Самаринъ сталъ на ту почву, на которую обязанъ стать публицистъ, повинующійся внутреннему голосу, зовущему его на подвигъ духа — голосъ, подсказывающій ему, что онъ призванъ руководить общественнымъ мнѣніемъ, раскрывая то, что для него есть истина, и что онъ считаетъ долгомъ своихъ соотечественниковъ. Сильнымъ словомъ разоблачилъ онъ въ своемъ введеніи двѣ вещи, которыхъ забыть нельзя, разъ онѣ усвоены: первое — что направленіе духа, вылившееся въ Лифляндскихъ Вкладахъ, но не родившееся именно

---

*) Тамъ же, стр. 19.

въ условіяхъ быта нашей Прибалтики — есть духъ вражескій, сознательно направленный противъ Россіи; второе, что этотъ духъ изъ поколѣнія въ поколѣніе поддерживался, благодаря потворству не болѣе не менѣе, какъ самаго Петербурга.

Слѣдуетъ затѣмъ «перечень результатовъ мѣстнаго управленія въ Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи за двадцатилѣтіе съ 1847 г по 1867 г.»^{*)}). Коснувшись развитія «учрежденій, правъ и обычаевъ балтійскихъ дворянскихъ и городскихъ обществъ» со временъ Петра и Екатерины, вопроса о силѣ «привиллегій» и кодификаціи мѣстныхъ узаконеній, авторъ даетъ намъ общую оцѣнку «движенія крестьянъ изъ лютеранства въ православіе» съ 1841 года^{**)} и наступившаго въ послѣдствіи обратнаго движенія. По свидѣтельству Юрія Ѳедоровича, Императоръ Николай Павловичъ, «при всей односторонности нѣкоторыхъ своихъ убѣжденій, несомнѣнно, обладалъ способностью, безъ которой нельзя быть историческимъ дѣятелемъ: онъ вѣрно угадывалъ инстинкты народныхъ массъ и, въ этомъ отношеніи, стоялъ безконечно выше всего своего пра-

*) Тамъ же, стр. 54 и слѣд.

***) Тамъ же, стр. 64 и слѣд.

вительства. Когда движеніе изъ лютеранства въ православіе охватило Лифляндію, онъ и онъ одинъ понялъ, что это была не искусственная агитація и не случайная вспышка, а историческая тяга цѣлаго народа къ Россіи, въ основныхъ своихъ побужденіяхъ совершенно свободная, исходившая изъ неудовлетворенныхъ духовныхъ потребностей, и, въ то же время, изъ глубокаго недовольства всею внѣшнею обстановкою тогдашняго крестьянскаго быта». Непосредственно къ этой главѣ, такимъ образомъ, по основному ея колориту вполне присоединяется глава IV объ «устройствѣ хозяйственнаго быта поселянъ въ Балтійскомъ краѣ».*) Прочтите ее вслѣдъ за книгой А. Рихтера о томъ-же предметѣ**) и вы невольно вспомните слова Теринга, который съ восторгомъ отзывался объ очеркѣ исторіи римскаго права у Гиббона, находя, что онъ божественно схватилъ и изобразилъ суть дала именно потому, что не былъ юристомъ. Грѣшнымъ дѣломъ и намъ думается, что Юрій Федоро-

---

*) Тамъ-же стр. 74 и слѣд.

**) А. Рихтеръ — Исторія крестьянскаго сословія въ присоединенныхъ къ Россіи Прибалтійскихъ губерніяхъ. Рига, 1860 г. (250 стр.).

вичъ не написалъ-бы о крестьянскомъ дѣлѣ этихъ чудныхъ страницъ (74 — 96), если-бы Самаринъ былъ доморощеннымъ балтійскимъ администраторомъ. Но цитатовъ изъ этой главы я предпочитаю не приводить; ее надо прочесть цѣликомъ, не разбивая цѣльности впечатлѣнія.

Вслѣдъ за нею идутъ главы объ общественной организаціи волостей (стр. 97), объ «устройствѣ и финансахъ городовъ Балтійскаго края» (стр. 100), о недостаткѣ надежнаго русскаго элемента въ мѣстной администраціи» (стр. 108), и въ особенности о судебной реформѣ (стр. 123). Эта глава сдѣлалась особенно любопытной теперь, 25 лѣтъ спустя, послѣ реформы 1889 года. Для насъ, на глазахъ коихъ прошли всѣ мельчайшіе эпизоды этой реформы, очеркъ Самарина имѣеть что-то пророческое.

Это просто лодманская книга, содержащая точное указаніе тѣхъ полводныхъ камней, съ которыми надо было считаться и мимо коихъ надлежало плыть. Въ немногихъ словахъ отражается глубокое знаніе края и людей. Наконецъ, въ послѣднемъ отдѣлѣ (стр. 130—176) читатель найдетъ достаточно прозрачную картину того, что считалось въ прошломъ искуснымъ

управленіемъ края, и какія были допущены неоправимыя ошибки.

На этомъ мы закончимъ наше обозрѣніе «Окраинъ Россіи». Дальше мы не будемъ убѣждать къ тому, чтобы взяться за чтеніе подлинника. Кто до сихъ поръ не убѣдился, того мы и дальше не убѣдимъ. Лучше ему совсѣмъ бросить чтеніе нашихъ статей. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ считаться лишь съ тѣми лицами, которымъ намъ въ этомъ отношеніи уже нечего толковать: ибо они, конечно, уже достали и прочли эту замѣчательную книгу.

Наши читатели поинтересуются, конечно, заглянуть и въ арсеналь противоположнаго лагеря. Я ограничусь здѣсь одними краткими указаніями, предполагая впослѣдствіи, по мѣрѣ хода нашего изслѣдованія, возвратиться къ тѣмъ или другимъ произведеніямъ нашихъ противниковъ. Значительный толчокъ былъ данъ сначала гуманистомъ Меркелемъ, указавшимъ, кажется, впервые, на плачевное состояніе латышскаго крестьянства въ его знаменитомъ сочиненіи: «Die Letten, vorzüglich in Livland am Ende des philosophischen Jahrhunderts» (1796), въ которомъ онъ требовалъ освобожденія крестьянъ. На это послѣдовалъ негодующій отвѣтъ Фиркса

въ маленькой нынѣ забытой книжкѣ: «Die Letten in Curland»—1804 года. Полемическая газетная литература временъ Александра I собрана была впоследствии въ одну книжку, въ память столѣтняго юбилея Самсонъ фонъ-Гиммельштирна; этотъ сборникъ изданъ извѣстнымъ Сиверсомъ подъ несоотвѣтствующимъ заглавiемъ: «Geschichte der Bauernfreiheit in Livland»—1878 г. Въ эпоху Императора Николая Павловича полемическая литература незамѣтна. Условiя времени ей не благопрiятствовали. Попадаются скорѣе экономическiе сборники, служащiе подспорьемъ практическимъ дѣятелямъ, какъ напримѣръ: «Darstellung der landwirthschaftlichen Verhältnisse in Ehsth-, Liv- und Curland. Leipz. 1845 — безъ имени автора, въ которыхъ встрѣчаются данныя, изображающiя социально-юридическое состоянiе края. Слѣдуетъ упомянуть объ источникѣ, въ которомъ сохраняется какъ-бы архивная память того времени, это журналъ «Inland» за много лѣтъ. Въ немъ помѣщено было въ 1838 году (въ приложенiи) изслѣдованiе Самсона «Historischer Versuch über die Aufhebung der Leibeigenschaft in den Ostseeprovinzen».

Мѣстная полемическая или даже просто критическая литература значительно ожи-

вляется съ конца 50-хъ годовъ. Нѣкоторыя творенія проникнуты враждебнымъ противъ Россіи духомъ, какъ на примѣръ, «Лифляндскіе Вклады» Бокка и позднѣйшія вещи Ширрена и Эккардта. Другія, напротивъ, исходя изъ гуманнаго негодованія на мѣстные соціальныя порядки, стремятся къ торжеству тѣхъ гуманныхъ идей, которыя въ то время прслагали путь у насъ великому акту 19 феврала 1861 года; но при этомъ не ведется споръ передъ Россіею, а взывается къ благородству чувствъ германскаго народа. «Передъ тобою, о ты, стремящійся къ правдѣ германскій народъ, выступаютъ нынѣ бойцы. Твоему безпристрастному приговору предлагается правое дѣло трехъ поработченныхъ народовъ. Ты всегда съ участіемъ внималъ жалобамъ угнетенной невинности. Поэтому пускай раздаются въ твоихъ краяхъ, быть можетъ, уже въ послѣдній разъ, тяжелые вздохи подъ желѣзнымъ игомъ изнывающихъ латышей, ливовъ и эстовъ, вмѣстѣ съ ликованіемъ освобожденнаго отнынѣ русскаго народа!» Вотъ въ какихъ выраженіяхъ излагалъ руководящую точку зрѣнія этой литературной группы — анонимный авторъ книги, надѣлавшей не мало сенсаціи, наканунѣ

освобожденія нашихъ крестьянъ. Эта книга была издана въ 2 выпускахъ въ Лейпцигѣ подѣ заглавіемъ «Die Zustände des freien Bauernstandes in Kurland», von einem Patrioten Leipz. 1860 &, 1863 (П ч. VIII.) Тому же направленію принадлежитъ также сердечно написанная брошюра Оттона Рутенберга «Mecklenburg in Kurland» Leipz. 1863, съ продолженіемъ подѣ заглавіемъ «Edelmann und Bauer» Leipz. 1864. Возраженія въ раздраженномъ тонѣ издалъ Эдуардъ Беръ въ брошюрѣ, названной «Otto von Rutenberg in partibus infidelium»—Mitau 1863.— Затѣмъ, весьма опредѣленную балтійскую окраску имѣють творенія извѣстнаго руссофоба (нынѣ германскаго чиновника) Юліуса Эккардта, изъ коихъ можемъ указать слѣдующія: «Die baltischen Provinzen Russlands, Politische & culturgeschichtliche Aufsätze, Lps. 1868»; «Baltische und russische Culturstudien aus zwei Jahrhunderten, Lpz. 1869»; «Livland im XVIII Jahrhundert, Leipz. 1876 г.

Изъ новѣйшихъ вещей мы ограничимся общей ссылкой на беллетристическія произведенія Геодора Пантениуса (балтійскаго Шпильгагена): «Im Gottesländchen» и др., затѣмъ его же поклонника и, кажется, подражателя—Эбергарда Крауса: «Zwischen

Nağowa und Niemen»; см. также его характерные этюды въ Либавской нѣмецкой газетѣ 1862 года подъ заглавіемъ: «Мои встрѣчи съ балтійскими писателями». Всѣ эти вещи имѣютъ не малое значеніе для того, кто интересуется политико-культурной критикой балтійской жизни. Въ нихъ очень много незамѣнимаго матеріала, конечно, для тѣхъ, — кто умѣетъ видѣть и слышать. Наконецъ, заканчивая общій обзоръ литературы предмета, не могу не упомянуть объ одной, весьма толково написанной полемической брошюрѣ, къ чтенію которой я всегда приступаю съ тѣмъ особеннымъ чувствомъ утонченнаго удовольствія, которое причиняетъ видъ вполне удачной аргументаціи хотя бы и противника, но все же такого, который постигъ суть вещей, и міровоззрѣніе коего не пахнетъ ни берейторствомъ, ни аграрнымъ кулачествомъ. Брошюра, о которой идетъ рѣчь, вышла подъ названіемъ «Resurrecturi», за подписью E—, въ Лейпцигѣ, весною передъ судебной реформой. Это самая близко подходящая попытка изъ того лагеря, чтобы понять и выразить смыслъ этой реформы и убѣдить своихъ въ томъ, что не азіатчина лѣзетъ на высоко культурное божіе царство, но начало

государственности, охватывающее край съ востока на западъ. Зачисленіе этой брошюры въ каталогъ запрещенныхъ вещей ее совсѣмъ понятно съ точки зрѣнія нашихъ интересовъ. Оно было бы вполне объяснимо тогда, если бы будущность русскаго цѣла на этой окраинѣ зависѣла отъ необходимости возможно большаго охраненія дѣвственности нашихъ мозговъ, отъ всякаго идейнаго начала. Если бы эта идея была справедлива, то намъ бы, конечно, какъ добрымъ патріотамъ, слѣдовало бы стремиться къ такому идеалу, по которому никакихъ свѣдѣній, никакой подготовки, никакого понятія о культурныхъ условіяхъ края у насъ не было бы; а наряду съ нами, не далѣе какъ въ Мемелѣ или въ Кёнигсбергѣ, за каждымъ нашимъ движеніемъ слѣдили бы люди, одаренные всеоружіемъ того, чѣмъ можно только надѣлать знающихъ государевыхъ слугъ. Если такова цѣль, то мы можемъ радоваться. Отъ этой цѣли мы не далеки.

